Привет лауреатам Сталинских премий!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 32 (2415) Среда, 21 апреля 1948 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

В Совете Министров Союза ССР

О ПРИСУЖДЕНИИ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ ЗА ВЫДАЮЩИЕСЯ РАБОТЫ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВА ЗА 1947 год

Совет Министров Союза ССР постановил присудить Сталинские премии за выдающиеся работы 1947 года в области:

А. Музыки

I. КРУПНЫЕ МУЗЫКАЛЬНО-СЦЕНИЧЕСКИЕ И ВОКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ (ОПЕРА, БАЛЕТ, ОРАТОРИЯ, КАНТАТА)

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

Таллат-Келпша Иосифу Антоновичу, заслуженному деятелю искусств Литовской ССР — за «Кантату о Сталине».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Брусиловскому** Евгению Григорьевичу, народному артисту Казахской ССР — за кантату «Советский Казахстан».
2. **Жиганову** Назибу Гаязовичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за оперу «Алтын Чач».

II. КРУПНЫЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

Глиэру Рейнгольду Морицевичу, народному артисту СССР — за квартет № 4.

Премию ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

Караеву Кара Абульфаз оглы — за симфоническую поэму «Лейли и Меджнун».

III. ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАЛЫХ ФОРМ

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Мокроусову** Борису Андреевичу — за песни: «Заветный камень», «О родной земле», «Одинокая гармонь», «Хороши весной в саду цветочки».
2. **Новикову** Анатолию Григорьевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за массовую песню «Гимн демократической молодежи мира».

IV. КОНЦЕРТНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Гедике** Александру Федоровичу, народному артисту РСФСР, профессору, органисту.
2. **Веревке** Григорию Гурьевичу, заслуженному деятелю искусств Украинской ССР, профессору, дирижеру.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Александровичу** Михаилу Давыдовичу, заслуженному артисту РСФСР, певцу.
2. **Байсеитовой** Куляш, народной артистке СССР, певице.

Б. Живописи

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Серову** Владимиру Александровичу — за картину «В. И. Ленин провозглашает советскую власть».
2. **Лактионову** Александру Ивановичу — за картину «Письмо с фронта».
3. **Тоидзе** Ираклию Моисеевичу — за картину «Выступление И. В. Сталина на торжественном заседании, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции» и за портрет И. В. Сталина.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Хмелько** Михаилу Ивановичу — за картину «За великий русский народ!»
2. **Бубнову** Александру Павловичу — за картину «Утро на Куликовом поле».
3. **Ромасу** Якову Дорофеевичу — за картину «На плоту».
4. **Яр-Кравченко** Анатолию Никифоровичу — за картину «М. Горький читает тт. Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть» и за портреты М. Горького, Д. Бедного, Джамбула, И. Барбаруса (Вареса), С. Нерис.
5. **Котову** Петру Ивановичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за портрет академика Н. Д. Зелинского.

Премии ТРЕТЬЕЙ степени в размере 25.000 рублей

1. **Кибрику** Евгению Адольфовичу — за рисунки «Есть такая партия!», «Ленин в Разливе».
2. **Пузырькову** Виктору Григорьевичу — за картину «Черноморцы».
3. **Мелихову** Георгию Степановичу — за картину «Молодой Тарас Шевченко у художника К. П. Брюллова».
4. **Ефанову** Василию Прокофьевичу — за портрет В. М. Молотова.
5. **Ульянову** Николаю Павловичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за портрет К. С. Станиславского.
6. **Орешникову** Виктору Михайловичу — за картину «В. И. Ленин на экзамене в университете».

В. Скульптуры

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. **Томскому** Николаю Васильевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за скульптурный портрет генерала армии И. Д. Черняховского.
2. **Николадзе** Якову Ивановичу — за скульптуру «В. И. Ленин в эпоху создания «Искры».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. **Азгуру** Заиру Исааковичу, народному художнику Белорусской ССР — за скульптурный портрет Ф. Э. Дзержинского.
2. **Вучетичу** Евгению Викторовичу — за скульптурный портрет гвардии генерал-полковника В. И. Чуйкова.
3. **Виленскому** Зиновию Моисеевичу — за скульптурный портрет П. И. Чайковского.

Г. Архитектуры

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

За архитектуру здания Государственного Академического театра оперы и балета в г. Ташкенте: **Щусеву** Алексею Викторовичу, академику, автору; народным мастерам: **Мурадову** Уста-Ширину, почетному академику Академии наук Узбекской ССР; **Асланкулову** Ташпулату, народному художнику Узбекской ССР; **Джамилову** Усто Кули; **Балтаеву** Абдулле; **Ахмарову** Чингизу; **Джураеву** Балта; **Джураеву** Джамалу — художникам.

Д. Театрально-драматического искусства

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

За спектакль «Великая сила» в Государственном Академическом Малом театре: **Зубову** Константину Александровичу, народному артисту РСФСР, постановщику; **Петрову** Николаю Васильевичу, народному артисту РСФСР, постановщику; **Анненкову** Николаю Александровичу, заслуженному артисту РСФСР; **Григорьеву** Федору Васильевичу, заслуженному артисту РСФСР; **Гоголевой** Елене Николаевне, народной артистке РСФСР; **Шатровой** Елене Митрофановне, заслуженной артистке РСФСР; **Владиславскому** Владимиру Александровичу, заслуженному артисту РСФСР; **Турчаниновой** Евдокии Дмитриевне, народной артистке СССР.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. За спектакль «Глина и фарфор» в театре Драмы Латвийской ССР: **Балюнас** Вере Михайловне, заслуженному деятелю искусств Латвийской ССР, постановщику; **Зандерсону** Рихарду Кришьяновичу, артисту; **Амтман-Бриедит** Альфреду Фрицевичу, заслуженному деятелю искусств Латвийской ССР; **Фрейман** (Эрике) Лилие Александровне, заслуженной артистке Латвийской ССР; **Клетниеку** Карлу Павловичу, артисту; **Румниеце** Берте Фрицевне, народной артистке Латвийской ССР; **Лине** Велте Мартыновне, артистке; **Григулису** Арвиду Петровичу, заслуженному деятелю культуры Латвийской ССР, драматургу.

2. За спектакль «Константин Заслонов» в Минском драматическом театре имени Я. Купалы: **Санникову** Константину Николаевичу, постановщику; **Глебову-Сорокину** Глебу Павловичу, народному артисту Белорусской ССР; **Платонову** Борису Викторовичу, народному артисту Белорусской ССР; **Жданович-Платоновой** Ирине Флориановне, народной артистке Белорусской ССР.

3. За спектакль «Генерал Ватутин» в Харьковском украинском драматическом театре имени Т. Шевченко: **Крушельницкому** Марьяну Михайловичу, народному артисту СССР, постановщику; **Дубовику** Леонтию Федоровичу, народному артисту Украинской ССР, постановщику; **Сердюку** Александру Ивановичу, народному артисту Украинской ССР; **Антоновичу-Будько** Даниилу Исидоровичу, народному артисту Украинской ССР; **Радчуку** Федору Ивановичу, народному артисту Украинской ССР; **Греченко** Василию Николаевичу, художнику.

4. За спектакль «Утро Востока» в Азербайджанском Государственном драматическом театре имени Азизбекова: **Искандерову** Адиль Рза оглы, народному артисту Азербайджанской ССР, постановщику; **Фатуллаеву** Нусрат Мовсум оглы, заслуженному деятелю искусств Азербайджанской ССР, художнику; **Афганлы** Джафар Заде, народному артисту Азербайджанской ССР; **Давудовой** Марзие Юсиф кизы, народной артистке Азербайджанской ССР; **Алиеву** Мирза Ага Али оглы, народному артисту Азербайджанской ССР; **Ахундову** Сидги Рухулла, народному артисту Азербайджанской ССР; **Гаджиеву** Дагестанлы Исмаил, заслуженному артисту Азербайджанской ССР; **Кязим-Заде** Кязим Зие, народному артисту Азербайджанской ССР.

Е. Оперного искусства

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

За спектакль «Вражья сила» в Государственном Академическом Большом театре СССР: **Покровскому** Борису Александровичу, заслуженному артисту Белорусской ССР, постановщику; **Дмитриеву** Владимиру Владимировичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР, художнику; **Кондрашину** Кириллу Петровичу, дирижеру; **Иванову** Алексею Петровичу, народному артисту РСФСР; **Щегolькову** Николаю Федоровичу, заслуженному артисту РСФСР; **Борисенко** Вере Ивановне, артистке.

Ж. Балетного искусства

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

За спектакль «Синатле» в Грузинском театре оперы и балета имени З. Палиашвили: **Чабукиани** Вахтангу Михайловичу, народному артисту Грузинской ССР, постановщику; **Киладзе** Григорию Варфоломеевичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, дирижеру; **Кикалейшвили** Зурабу Малакиевичу, артисту; **Цигнадзе** Вере Варламовне, артистке; **Кобуладзе** Сергею Соломоновичу, заслуженному деятелю искусств Грузинской ССР, художнику.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. За спектакль «Мнимый жених» в Ленинградском Малом оперном театре: **Чулаки** Михаилу Ивановичу, композитору; **Фенстеру** Борису Александровичу, постановщику; **Зубковскому** Николаю Александровичу, заслуженному артисту РСФСР; **Кирилловой** Галине Николаевне, заслуженной артистке РСФСР; **Исаевой** Галине Ивановне, **Розенберг** Валентине Максимовне — артисткам.

2. За спектакль «Доктор Айболит» в Новосибирском театре оперы и балета: **Морозову** Игорю Владимировичу, композитору; **Моисееву** Михаилу Федоровичу, постановщику; **Заку** Исидору Аркадьевичу, заслуженному артисту РСФСР, дирижеру; **Кноблоку** Борису Георгиевичу, художнику; **Беловой** Ариадне Александровне, артистке.

ПЕРВЫЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

Первому Всесоюзному с'езду композиторов, который открылся 19 апреля в Москве, предстоит стать важнейшим этапом в развитии советской музыки.

Постановление Центрального Комитета ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» поставило вопросы развития музыки в центре внимания советской общественности. Поэтому в зале заседаний с'езда — не одни лишь его делегаты и не только музыкальные деятели. В Колонный зал Дома союзов собрались представители и других отраслей искусства и культуры — крупнейшие писатели, художники, архитекторы, работники театра. С'езд композиторов является живым выражением единства и общности задач советской культуры. Все это подчеркнул в своей краткой речи старейший композитор С. Василенко, которому выпала честь открыть первое заседание с'езда.

Бурными, долго не смолкающими аплодисментами встретили делегаты предложение композитора В. Соловьева-Седого избрать в почетный президиум Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным.

Это было ярчайшим проявлением любви творцов советской музыки к великой партии большевиков и к ее гениальному вождю.

О высоком долге композиторов перед советским народом, обогащающим сокровищницу мировой культуры, напомнил участникам с'езда доклад председателя Оргкомитета Союза советских композиторов академика Б. Асафьева. Доклад этот вследствие болезни т. Асафьева был прочитан композитором В. Власовым.

Призыв, прозвучавший в речи товарища А. А. Жданова и в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 февраля с. г.—обратиться к живому источнику народного музыкального творчества,—имеет давнюю и благородную традицию в русской музыке,—говорится в докладе. В нем подробно анализируется и оценивается благотворное влияние мелодичности, песенности народного творчества на творчество величайших русских композиторов. Оно было той животворной почвой, на которой возникли непревзойденные произведения Глинки и Даргомыжского, Мусоргского и Бородина, Римского-Корсакова и Чайковского.

Корифеям русской музыки была чужда эстетская ограниченность, порочное деление искусства на «высокое» и «низкое». Музыка их отличается подлинной народностью. Докладчик приводит замечательные слова Глинки о связи народного творчества и творчества художника: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Именно на основе национального богатства русской музыкальной классики и возрастало ее мировое, общечеловеческое значение.

В докладе Б. Асафьева подчеркивается особое значение мелодии — этой «души музыки», которую формалисты, утратившие связь с народной песенностью, подменяют бездушным техническим мастерством, пустым и бесплодным трюкачеством.

В то время как музыкальная культура советского народа непрерывно росла, часть советских композиторов подпала под влияние низменной, антимелодической, упадочной буржуазной музыки, усвоив уродливые формы американского джаза, создавая сумбурное, какофоническое звучание. Именно это и отвратило массы слушателей от пугающей и раздражающей слух музыки формалистов. И если для буржуазных композиторов такая музыка является органическим следствием пошлости и реакционности их идеологии, то у советских композиторов она возникает из слепого и порочного подражания.

Говоря об эстетике современного буржуазного искусства, приведшей музыку Запада к упадку, докладчик показывает ее кровную связь с Ницше, Бергсоном, Шпенглером и другими философскими предтечами фашизма. Из этой философии и возникают современные буржуазные, нервно-патологические творения музыкального модернизма.

Декадентский формализм всегда был чужд русской национальной художественной культуре. Русская музыка, как и русская литература, создавалась под влиянием Пушкина и следовала в своем развитии учению великих революционеров-демократов—Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. И сейчас для советской музыки и для других отраслей советского искусства есть лишь один общий путь роста и развития—путь социалистического реализма. Величайший проповедник социалистического реализма — Горький является для советских композиторов учителем в такой же мере, как и для писателей.

Докладчик призывает композиторов обратиться к народному творчеству — вечному источнику высокого и радостного искусства, учиться у великих мастеров русской классической музыки и отразить величие нашей эпохи.

С'езд заслушал также доклад генерального секретаря Оргкомитета Союза советских композиторов Т. Хренникова, осветившего развитие советской музыкальной культуры за 30 лет и задачи, стоящие перед советскими композиторами.

Докладчик ярко характеризует представителей предреволюционного формалистического «модернизма», в плену у которых оказалась и часть советских композиторов. Это музыкальные декаденты провозгласили лозунг: «Долой мещанского нытика Чайковского, да здравствуют модные творения Дебюсси, Роже-Дюкаса, Рихарда Штрауса, Регера, Шенберга, будем учиться у них современному музыкальному языку». Вот откуда идет отрицание самобытного русского музыкального искусства и холопское низкопоклонство перед Западом, отмечающее творчество композиторов-формалистов. К этому порочному наследству присоединилось не менее порочное влияние современного западного буржуазного искусства. Этим влиянием были заражены уже ранние произведения Шостаковича, уродливые сочинения композитора Мосолова и другие аналогичные произведения.

Чужеродным проявлениям эстетского декаданса противостояло мощное течение прогрессивного, передового музыкального творчества. Это сказалось в создании новой советской песни и крупных произведений русской музыки («Пламя Парижа» Асафьева, «Красный мак» Глиэра), а также в развитии музыки братских народов, выдвинувших таких композиторов, как Спендиаров, Палиашвили и другие.

Докладчик отмечает то внимание, какое партия всегда уделяла развитию советской музыки, подвергая обсуждению и критике отдельные произведения и общее направление развития музыкальной культуры. Партия неизменно требовала от композиторов создания прогрессивной, подлинно народной музыки, опирающейся на все богатейшее наследие народного творчества и классики. Несмотря на это, в творчестве Мясковского, Прокофьева, Шостаковича, Мурадели все еще сильны чужеродные влияния, приведшие к полной музыкальной беспомощности ряда их произведений.

Значительную часть своей речи т. Хренников посвятил задачам, стоящим перед советским оперным творчеством, реальные достижения которого чрезвычайно малы. Он говорит, что в свете постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года еще резче выявилась порочность практики прежнего руководства Оргкомитета Союза советских композиторов. Оргкомитет насаждал формалистические тенденции, отгораживал советскую музыку и общественную жизнь композиторов от запросов и влияния широких народных масс. Ореол «непогрешимости», созданный вокруг отдельных «ведущих» композиторов, тоже сыграл свою вредную роль. Круговая порука, боязнь критики, бюрократизм отличали деятельность Оргкомитета.

Совсем иным должен быть Союз советских композиторов, создаваемый, как заявил докладчик, на подлинно демократических началах. Идейное руководство творчеством должно быть в центре внимания Союза. Музыкальная критика должна выражать мнение общественности, мнение народа.

«Вооруженные ясными партийными указаниями, — говорит т. Хренников, — мы сумеем разгромить до конца всякие проявления антинародного формализма и декадентщины. Мы не позволим более разрушать великолепный храм музыки, созданный гениальными композиторами прошлого! С той же непримиримостью будем бороться и против дурного упрощенчества и бездушного ремесленничества, за полное единство идейности и содержательности музыки с красотой и совершенством формы».

Второй день с'езда был посвящен выступлениям деятелей национальной музыкальной культуры союзных советских республик. С докладом о работе украинских композиторов выступил А. Штогаренко. Композитор А. Кара-Караев рассказал о современном состоянии советской музыки Азербайджана. С сообщением о деятельности эстонских композиторов выступил Э. Капп.

В добрый час!

Величественный Колонный зал Дома союзов — творение великого русского зодчего Казакова. Когда-то в этом зале за дирижерским пультом появлялся Петр Ильич Чайковский, и торжественно и величаво звучали аккорды нового симфонического произведения русского гения. И естественно, что в день, когда открылся первый Всесоюзный с'езд советских композиторов, здесь, в Колонном зале, были произнесены имена Чайковского, Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Балакирева, Лядова, Танеева, Рахманинова. Эти дорогие имена назвал во вступительной речи старейший наш композитор С. Василенко.

Современник великих русских композиторов, деятель советской музыкальной эпохи, С. Василенко в своем вступительном слове говорил о внимании, которое проявляют к музыкальному искусству товарищ Сталин, руководители партии и советского правительства. Это еще одна радость, которую принесла нам Великая социалистическая революция. Разве знаменитые деятели русской классической музыки, разве богатыри «могучей кучки» не были одиноки в своей борьбе за русское музыкальное искусство? Кто, кроме нескольких меценатов, любителей музыки, протянул им руку помощи? Каких трудов стоило им утвердить славу русской музыкальной культуры не только за рубежами нашей родины, но и в собственной стране! Кто мог думать в те времена, что судьбы музыкального искусства могут быть положены в основу поистине исторического документа — документа, который обнародовал Центральный Комитет коммунистической партии, величайшей, самой могучей политической партии, которая когда-либо существовала в мире!

Вот почему, когда композитор В. Соловьев-Седой внес предложение избрать почетный президиум—Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным, Колонный зал дрогнул от продолжительных и сердечных оваций.

В докладе Б. Асафьева были глубоко раскрыты особенности русского музыкального искусства. Когда мы произносим имя Глинки, мы неизменно произносим и имена Пушкина, Лермонтова, Некрасова... Музыка и поэзия создают благороднейший синтез искусств. Русская музыка, ее народность, ее демократизм, ее высокий патриотизм развивались в едином русле с русской классической литературой. «Руслан и Людмила», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Борис Годунов», «Демон» — трудно перечислить все произведения нашей поэзии и прозы, вдохновившие русских композиторов. Огромная им благодарность за то, что они сумели создать музыкальные произведения, равные по силе и гению произведениям великой русской литературы. Вчера на открытии с'езда было немало литераторов, и это понятно: музыка — сестра поэзии.

Чем больше в докладе Б. Асафьева говорилось о произведениях классической русской музыки, о ее творческих традициях, тем убедительнее становились идейное убожество, творческая нищета и пустота формалистической музыки, тем резче обнажилась связь композиторов-формалистов с опустошенным музыкальным искусством современной капиталистической Европы и Америки.

Интересно, что для классической музыки Запада характерна тесная связь с русской народной музыкой. Ведь не случайно, что в одном из так называемых «русских квартетов» Бетховена звучит мелодия украинской песни, которую великий композитор услыхал от Андрея Кирилловича Разумовского, русского посла в Вене. Разве случайно и то, что в последнем акте «Севильского цирюльника» Россини звучит мелодия русской песни?

Об этом, впрочем, забыли композиторы и музыкальные критики, зараженные формализмом.

Подражать творчеству современных западных композиторов, отравленному мрачным пессимизмом, мистикой, мракобесием, кривлянием и юродством, — вот что стало уделом композиторов-формалистов.

Пафос труда, единение и дружба советских народов, борьба за коммунизм —вот что является героической темой советского музыкального произведения. И эта тема должна быть выражена в произведениях ясных, лучезарных, доступных широкому пониманию, величественных и страстных.

Сознание этих благородных задач было выражено в докладе Т. Хренникова. На основе указаний товарища А. А. Жданова о том, что через всю историю советской музыки проходит борьба реалистического и формалистического направлений, композитор рассказал об основных моментах этой борьбы и оценил все то положительное и отрицательное, что было в советском музыкальном искусстве за 30 лет.

С'езд советских композиторов начал свою работу, как говорится, в добрый час. Будем верить, что творцы нашей музыки соединятся в едином творческом порыве. Будем верить, что советские композиторы создадут произведения, достойные славы нашего отечества, великой сталинской эпохи.

Л. НИКУЛИН

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ТАДЖИКСКОГО ПИСАТЕЛЯ САДРИДДИНА АЙНИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги в развитии советской таджикской литературы в связи с 70-летием со дня рождения наградить писателя **Садриддина Айни** орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 19 апреля 1948 г.

САДРИДДИН АЙНИ

В. ИОРДАНСКИЙ

Быть ли городу Мариуполю?

Сталинград встает из развалин—живой, наша гордость. Ленинград и Киев — в строительных лесах. Пятнадцать городов, разрушенных войной, таких, как Воронеж и Новгород, Смоленск и Новороссийск, возводятся заново, их первоочередное восстановление обеспечено решением правительства.

Фашистские громилы жгли, взрывали вокзалы, больницы, школы, театры. Немецкие факельщики—дом за домом—уничтожали перед уходом главные улицы, «юнкерсы» бомбили заводы, жилые корпуса, общественные здания. Теперь все это надо отстроить, соорудить вновь.

Сегодня мы восстанавливаем в восьми советских республиках десятки городов — старинные очаги нашей жизни, нашей культуры. Закон о пятилетнем плане содержит задания огромного масштаба: 42 300 миллионов рублей ассигновано на городское и жилищное строительство, 72 400 тысяч квадратных метров жилой площади будет построено или восстановлено за пятилетку.

Кто же отвечает за качество восстановления городов? Кто несет особую ответственность за то, чтобы города оставались городами, чтобы они имели свой исторически сложившийся центр, сохранили свою неповторимую красоту, свой—поколениями обжитой—уют, свое лицо?

Опыт послевоенных лет показывает, что министерства, которым доверены пятилетним планом деньги для жилого строительства, что заводы и фабрики, которые строят дома, кварталы, а иной раз целые города,—не обо всем думают, судят не по-государственному и порою из-за строительных лесов не видят самого города, не замечают общенародного исторического дела.

Четыре с половиной года прошло со дня освобождения Мариуполя. Тысячи советских людей возрождают завод «Азовсталь» — сердце города. В этом году задута будет новая, уже третья по счету, домна, вступит в строй грандиозный прокатный цех. В Макеевке, в Кузнецке, в Магнитогорске готовят сегодня для «Южной Магнитки» сотни необходимых специалистов.

Готов ли Мариуполь встретить рабочих, инженеров, техников, принять их, разместить?

В центре города, разрушенного немцами, завод «Азовсталь» получает большую территорию для постройки жилых домов—12,5 гектара. Страна заинтересована в том, чтобы, удовлетворяя свои потребности, завод в то же время строил город. Город заинтересован в том, чтобы пустые закоптелые коробки снова превратились в обитаемые дома, населенные советскими людьми. Наконец, советские люди—те же рабочие и инженеры завода «Азовсталь» — заинтересованы в том, чтобы жить в центре города, где сохранился и действует водопровод, канализация, есть электричество и газ, где улицы замощены и засажены деревьями, где по улицам ходит трамвай, где близко—театр, кино, школы, магазины и до самого завода—рукой подать!

Казалось бы, все ясно.

Когда-то, до войны, когда город был перенаселен, завод «Азовсталь» справедливо претендовал на право строить собственный городок—со своими школами, Дворцом культуры, парком и даже курортом на берегу моря. Он восстанавливается теперь и безусловно также будет создан, но сейчас — иная обстановка. Война внесла суровый корректив. Если львиная доля ассигнований на жилое строительство в Мариуполе приходится на завод «Азовсталь», то разве не вправе город и его общественные организации требовать от металлургов и строителей государственного понимания огромной проблемы первоочередного восстановления старого города?

Между тем многие месяцы тянется непонятная и бессмысленная тяжба между Мариупольским горкомом КП(б)У, Мариупольским горисполкомом, на стороне которых государственный интерес, и директором «Азовстали» тов. Коганом, на стороне которого... мощные ассигнования.

Уже в феврале 1947 года Мариупольский горисполком отметил специальным постановлением «упорное стремление руководства завода «Азовсталь» построить «собственный» город на восточной площадке, оторванный от исторически сложившегося культурного центра Мариуполя».

— В городе будем строить 14 процентов жилья, не больше, а остальные 86—у себя, на востоке, — сказали руководители завода.

Как всегда, нашлись доводы: в городской тесноте трудно применять поточный индустриальный метод, дело затянется, а на восточной площадке — там и железнодорожные пути, и база.

Как всегда, спор, завязавшийся на месте, перешел в республиканские, всесоюзные инстанции, завязалась оживленная переписка между министерствами и ведомствами.

Совместное решение Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР и Министерства черной металлургии от 9 сентября 1947 года согласовало интересы города и завода, как будто даже прекратило, наконец, затянувшийся спор. На жилищное и культурно-бытовое восстановление старого Мариуполя завод должен в ближайшие годы направить 35—40 процентов своих ассигнований. В кратчайший срок должен быть отстроен весь полуразрушенный фонд жилых городских кварталов, должны быть полностью — во всей новой красоте — застроены две главные городские магистрали: проспект Республики и улица Артема.

Плановое начало нашей жизни проявило все свои преимущества в этом решении: в нем воедино связаны государственная экономия народных средств, исторический интерес города Мариуполя, жизненные удобства советских людей.

Казалось бы, это решение снимает вопрос, поставленный в самом заглавии нашей корреспонденции,—быть ли Мариуполю?

Мариуполю—быть!

Однако в городе, где жизнь не ждет, в который завтра прибудут тысячи новых рабочих и специалистов, по существу все остается попрежнему...

Согласившись с заданием на бумаге и приняв новый титульный список строительства домов в 1948 году, руководство завода и треста «Азовстальстрой» (тов. Тищенко) фактически продолжает вести строительные работы только в поселках. Попрежнему оно мотивирует это неотложными нуждами стройки. Все остается постарому.

В прошлом году план по жилищному строительству был выполнен едва наполовину. Былые ошибки никого не учат. Никак не дождутся мариупольцы окончания отделки хотя бы пресловутого пятиэтажного здания, в котором размещается, кстати будь упомянуто, само строительно-монтажное управление № 6, ведущее жилую стройку завода-гиганта. Каменщики и штукатуры никак не могут покинуть квартиры, и тачки строителей попрежнему сталкиваются во дворе с детскими колясками.

Вдали от города и в стороне от завода, в разбросанных по степи поселках живет большинство металлургов «Азовстали» и строителей «Азовстальстроя». В поселках нет даже клубов, попасть в городской театр или кино — сложная и утомительная операция. Школа — и та за пять километров. На завод, на работу—многокилометровый марш по грязи или погоня за попутным грузовиком.

Пора, наконец, руководителям завода и стройки прекратить ссору с Мариуполем и понять, что где-то далеко в стороне от их местнических и сепаратных позиций, где-то ближе к городу лежит государственный интерес, и он, как всегда, совпадает с интересом советских людей, со сталинской заботой о человеке.

...Мы говорим сегодня об одном Мариуполе. Однако не только в Мариуполе вступают в подобный неоправданный «конфликт» строители и горожане. В феврале этого года Совет Министров РСФСР отметил нарушение генеральных планов восстановления Ростова-на-Дону и Пскова. Речь шла о том, что указание правительства о первоочередном восстановлении и строительстве жилых домов и гражданских зданий в центральной части городов, о комплексной застройке главных магистралей не выполняется. Качество работ было признано неудовлетворительным.

Серьезные сигналы! Мы знаем — город Мариуполь будет, но строить его нужно точно в срок, поднять из развалин еще лучше и краше былого.

МАРИУПОЛЬ.

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ

ГРАЖДАНИН ГОРОДА БУЯ

Петр Михайлович Друлис много лет работал в Костромской и Ярославской областях лесоводом. Ходил по краю, оглядывая землю глазами человека-хозяина, находил тугоплавкие глины и торф, кварцевые пески и целебные подпочвенные воды.

Сейчас Петр Михайлович—хранитель краеведческого музея в городе Буй. Он сам и основал этот музей, подарив городу собранные за долгую жизнь коллекции старых монет, каменных топоров, стрел и других памятников материальной культуры края.

БУКЕТ ИЗ ЗАПОЛЯРЬЯ

В начале апреля нынешнего года заведующая детским садом в гор. Кандалакше Зоя Михайловна Перская приехала на конференцию в Москву с букетом заполярных роз.

За три года до этого Зоя Михайловна привезла с юга в свой детский сад первые цветы. Полярной ночью дети наблюдали и ухаживали за растениями. И вскоре детский сад стал напоминать оранжерею. Около дома растут деревья, пересаженные из леса.

Кировский ботанический сад прислал детям кусты черной смородины, жимолости, акации, комнатные цветы. Прошлой осенью, когда детский сад передавал своих питомцев в школу, каждый малыш принес в класс банку с цветами.

В феврале, когда в Кандалакше начинается полярный день, у ребят детского сада № 1 цветут гортензии, примулы, в марте распускаются розы.

ГАЗЕТА КИНОМЕХАНИКА ШУРАЛИЕВА

Нет в Красноводском районе аула, где бы не знали товарища Шуралиева. Он — киномеханик, из года в год кочующий с кинопередвижкой по красноводским аулам. Как ни рады были товарищу Шуралиеву везде и повсюду, но ему казалось, что он еще мало приносит пользы людям. Хотелось рассказать, что делается в других аулах, какие там трудовые дела и культурные достижения. И товарищ Шуралиев придумал световую газету!

Молодежь аула собрала материал для первого номера световой газеты, который недавно «вышел на экран» красноводской кинопередвижки.

«ШЕРЕГЕШ»

Горная Шория. В далекие времена осели здесь в лесах кержаки-староверы, жили веками молчаливо, замкнуто.

И вот не так давно в Москву на имя Николая Михайловича Шверника пришло оттуда письмо. Семидесятилетний Шерегешев Михаил Александрович писал, что, охотясь, набрел на странные камни — похоже, железная руда.

Геологи выехали на разведку. Старый охотник встретил их, проводил к месту находки.

Сейчас железорудное месторождение «Шерегеш», названное именем первооткрывателя, вошло в план эксплоатации на ближайшие годы.

ОБЫКНОВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

Мастер Ново-Краматорского завода имени Сталина Пантелей Корнев вызвал на соревнование известного новатора, мастера московского завода «Калибр» Николая Российского.

Москвич принял вызов и для начала пригласил ново-краматорца к себе на завод познакомиться с опытом работы участка, которым руководит.

Пантелей Корнев побывал на заводе «Калибр». Вернулся домой. Соревнование началось. Использовав у себя переданный Российским передовой опыт, развив его, рабочий коллектив пролета мастера Корнева сумел в начале соревнования опередить москвичей.

С переменным успехом социалистическое соревнование мастеров продолжается.

Из редакционной почты

Справка о равнодушии

30 лет тому назад, 14 марта 1918 года, Сергей Алексеевич Иванов ушел добровольцем в Красную Армию. После ранения, полученного им в бою, врачебная комиссия вынесла решение: «К продолжению воинской службы не способен, а поэтому увольняется с оставлением на учете».

«Демобилизовавшись, — пишет нам тов. Иванов, — я проработал до 1943 года, но открылась старая рана, и я слег в постель. Пять лет я инвалид 1-й группы. В прошлом году я решил написать в пенсионное управление Министерства социального обеспечения РСФСР тов. Королеву. Я спрашивал у него, имею ли я право получить персональную пенсию. Через некоторое время я получил открытку от инспектора Московского городского отдела социального обеспечения тов. Андреевой, — она просила меня зайти. Но я не могу встать с кровати, поэтому не мог притти к ней. Я написал тов. Андреевой о своей болезни и послал все документы. Прошел месяц. Тов. Андреева не ответила мне. Прошло еще два месяца, — тов. Андреева продолжала хранить молчание. Посылаю письмо тов. Королеву, но и он молчит. Прошло еще полгода. Королев и Андреева молчат. Срок, право, немалый для того, чтобы найти время ответить что-нибудь...»

Анатолий Иванович Есиков в 1942 году окончил 9 классов в 27-й школе Кировского района города Молотова. После школы тов. Есиков был призван в ряды Советской Армии. Три года сражался он с немецко-фашистскими захватчиками.

«В настоящее время,—пишет нам тов. Есиков, — я — демобилизованный офицер. Хочу продолжать свое образование. На-днях я послал пятое письмо на имя директора школы № 27. Просил прислать мне справку об окончании 9-го класса, но до сих пор я не получил ни справки, ни ответа».

11 февраля с. г. Министерство здравоохранения СССР получило письмо врача, инвалида Отечественной войны тов. Корданского. Он писал о недостатках, мешающих врачам вести научную работу.

«Потребовался целый месяц, — пишет нам тов. Корданский, — чтобы ответить мне о том, что мое письмо министерство переслало в Киев. Письмо подписал зам. нач. управления кадров тов. Колосов. Прошел еще месяц, но из Киева я никакого ответа не получил.

Для человека, желающего вести научную работу, в нашей стране открыты все дороги. Так почему же иногда поперек дороги встают люди, с холодным безразличием относящиеся к судьбе молодых ученых, к судьбе их большой напряженной работы».

Тов. Андреева любезно пригласила просителя С. А. Иванова в Мосгорсобес. Казалось бы, проявлены чуткость и внимание. Но это только казалось. Андреева и ее начальник тов. Королев, получив документы от Иванова, сочли возможным уклониться от рассмотрения их. И... погрузились в молчание. Молчат долго, несокрушимо.

Понукания и упреки на них не действуют. Протесты, будучи занумерованными и проштемпелеванными, их не беспокоят. Проситель не придет, — он прикован болезнью к постели.

Директор 27-й школы города Молотова, вероятно, гордится своими воспитанниками, защищавшими Родину. Но гордость директора безгласна. Он не находит теплого слова для своего бывшего ученика А. И. Есикова, прошедшего весь путь войны в качестве боевого офицера. Директор не находит даже холодных слов для формальной справки, необходимой тов. Есикову. Директор молчит, надеясь, что его неблагородное молчание останется незамеченным...

Донбасский врач тов. Корданский с трудом добился словечка от Министерства здравоохранения. А от киевских здраворганов он не может добиться и полуслова по интересующему его вопросу. Киевские начальники зарегистрировали бумагу и — под сукно. «Надо ли вникать в эту бумагу да еще ответ писать? Корданский — свой человек, донбасский врач, украинский работник! И без ответа обойдется...» И вот киевский здравдепартамент хранит высокое молчание, демонстрируя позорное равнодушие к судьбе советского труженика, к его запросам, к его нуждам, к его стремлению принести наибольшую пользу Родине.

Все, как говорится, «вышеупомянутые» чиновники выдали справку самим себе—справку о равнодушии.

Невольно вспоминаешь сердитые слова Маяковского: «Я волком бы выгрыз бюрократизм», встречаясь с проявлениями этого зла в наших учреждениях.

Александр ЖАРОВ

Неприглядная позиция

13 марта 1948 года «Литературная газета» опубликовала статью И. Днепрова «О советском ревизоре».

В этой статье речь шла о том, как из Министерства сельского хозяйства был выброшен бухгалтер-ревизор А. Н. Беликов за то, что он вскрыл антигосударственную практику заниженного планирования в некоторых МТС Кубани.

Обвинения, которые были пред'явлены при этом Министерству сельского хозяйства СССР, настолько серьезны, что мимо них не могли или, вернее, не должны были пройти ни партийная организация, ни руководители министерства.

Редакция «Литературной газеты» получила много писем читателей, запрашивающих о судьбе ревизора Беликова и о том, наказаны ли виновники расправы с ним.

Понятен — в свете всего этого — интерес, с каким советская общественность ожидала ответа со стороны министра сельского хозяйства тов. Бенедиктова.

Со дня опубликования статьи прошло уже пять недель. Однако руководители Министерства сельского хозяйства с упорством, достойным лучшего применения, продолжают отмалчиваться.

Стремление руководителей Министерства сельского хозяйства уклониться от прямого ответа отнюдь не свидетельствует о понимании ими принципов большевистской критики и самокритики.

Внимание научно-художественной и научно-популярной книге

Открытое письмо в редакцию

Русская наука дала в прошлом ряд блистательных мастеров научной популяризации. Ломоносов, Столетов, Сеченов, Тимирязев, Ферсман, Обручев умели говорить о науке не только с учеными, но и с народом. Они умели показывать своим читателям и слушателям науку как великий подвиг человечества, умели раскрывать поэзию науки, романтику познания мира.

В нашей советской стране расцвела научно-художественная литература, выпестованная Горьким. Многие замечательные мастера нашей литературы отдали свои силы этому делу, создав превосходные произведения, расходившиеся миллионными тиражами.

Присуждение Сталинской премии писателю Н. Михайлову за научно-художественное произведение «Над картой Родины» — яркое свидетельство внимания нашего правительства к этому жанру советской литературы.

Сейчас стране нужен поток научно-просветительной, научно-художественной литературы. Народ хочет знать о том, что делается в наших исследовательских институтах и лабораториях, хочет знать о работе наших ученых и изобретателей, о новых проблемах и успехах естествознания, о передовой науке, рождающейся в цехах фабрик и заводов, о технике новых пятилеток, о нашей новаторской сельскохозяйственной науке, о новой технологии, перестраивающей всю промышленность Советского Союза.

Эта задача по плечу нашим писателям и ученым. У нас много замечательных ученых, которые захотят и сумеют рассказать о своей работе, у нас есть писатели — мастера популяризации науки и техники, и среди многотысячной армии молодых ученых найдутся люди с активным зрением — будущие кадры авторов научно-популярных книг, статей и лекций.

Но, к сожалению, в настоящее время дело с изданием научно-популярной и научно-художественной литературы обстоит явно неудовлетворительно. Забытая издательствами художественной литературы, измельченная на частные, ведомственные тѐмы в многочисленных отраслевых издательствах, лишенная единого руководства, недостаточная по количеству и не всегда удовлетворяющая по качеству, забываемая нашей критикой, научно-художественная литература оттеснена далеко от столбовой дороги советской литературы.

Государственное издательство детской литературы, бывшее некогда одним из организаторов жанра научно-художественной литературы в нашей стране, практически закрыло для нее свои двери, ограничиваясь в настоящее время переизданиями и выпуском двух-трех случайных книг, притом узкого круга авторов.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», выпустившее несколько хороших книг, отказалось ныне от своих широких планов и издает 4—5 книг в год.

Издательство Академии наук СССР выпускает серию научно-популярных книг, но ее явно недостаточно, тем более, что и тиражи этой серии очень невелики.

Издательство «Советский писатель», издав несколько книг одного только А. Поповского, сочло, очевидно, свой долг перед читателями выполненным.

Государственное издательство технико-теоретической литературы, имеющее заслуги в деле издания специальной литературы по частным темам, почти не издает книг, дающих целостную картину науки, показывающих людей науки, книг, формирующих материалистическое мировоззрение читателей.

Государственное издательство культурно-просветительной литературы, развернувшее в минувшем году большую работу, издает лишь научно-просветительную литературу типа лекций, видимо, не ставя перед собой задачи создания книг большого масштаба, раскрывающих перед читателями романтику и героику науки.

Многочисленные ведомственные издательства, лишенные единого руководства в деле издания научно-популярной литературы, не ставят перед собою никаких общих задач. Издавая книги от случая к случаю, они часто попадают в плен к случайным авторам, превращающим популяризацию науки в сухой перечень фактов, в коллекцию мертвых примеров, в плохой учебник, по которому не учатся, написанный равнодушно и торопливо.

Мы считаем, что такое положение не может быть более терпимым. Советским людям нужна научно-популярная, научно-художественная литература, идейно насыщенная, живущая интересами науки и всей страны, достойная нашей великой эпохи.

Раскрыть единство и многообразие мира и показать величие нашей науки в живых образах — вот ее задача. История завоевания мира человеком, история борьбы с суевериями, разгадка тайн природы, борьба с ложными и враждебными идеями за материалистическое мировоззрение, поэзия творческого труда, героизм ученых-новаторов и изобретателей — вот необозримое богатство ее тем.

Не только итоги, но и перспективы науки должна она показать читателям, раскрыть перед ними мир науки в борьбе и движении, дать почувствовать поэзию и романтику науки, создать образы людей науки, людей, которые могли бы стать любимыми героями читателей и образцом настоящего человека для молодежи. Рожденная новой эпохой, научно-художественная, научно-популярная литература должна по-новому показать своих героев—людей науки, показать их в творческом труде, раскрыть в полном блеске и великолепии тот необыкновенный мир, который окружает нас.

Мы обращаемся к Всесоюзному обществу по распространению политических и научных знаний и Союзу советских писателей СССР с предложением взять в свои руки дело издания научно-популярной и научно-художественной литературы.

Мы считаем необходимым:

Организовать общественное обсуждение планов и деятельности издательств — центральных, ведомственных и периферийных — в области издания научно-популярной литературы.

Обратить внимание редакций журналов и газет на недостаточный интерес как к вопросам теории и истории научно-художественного и научно-популярного жанра, так и к новым книгам этого жанра, выходящим в свет.

Учредить ежегодную Тимирязевскую премию за лучшую книгу научно-художественного и научно-популярного жанра, присуждаемую Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и Союзом советских писателей.

К. Андреев, акад. А. Благонравов, Б. Горбатов, Л. Гумилевский, А. Ивич, М. Ильин, чл.-корр. АН СССР Х. Коштоянц, Л. Леонов, Н. Михайлов, О. Писаржевский, А. Поповский, В. Сафонов, акад. С. Соболев, акад. А. Опарин, Г. Фиш, В. Шкловский, акад. Б. Юрьев.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Терпеливая бумага

Навигация. Сколько неиз'яснимо прекрасного таит в себе это краткое и даже несколько суховатое академическое слово!

Нет, решительно невозможно отказать себе в удовольствии описать полное ликующей свежести весеннее утро на берегу широкой судоходной реки. И поскольку отказать себе в удовольствии, как мы только что заметили, невозможно, то мы и нарисуем, в меру своего дарования, весенний речной пейзаж, по возможности избегая при этом литературных шаблонов.

Итак, весеннее утро. У пристани Н. швартуется белый, как лебедь, пароход. Вставшее из-за леса щедрое солнце проливает некоторый свет на реку, на берег и на то, как происходит разгрузка судна. Туман неясности относительно характера груза уже рассеялся, и даже самому нелюбознательному работнику порта видно, что это газетная ролевая бумага.

Здесь снова хочется сказать несколько слов о природе. О природе безответственного отношения к своему делу. Бумагу с парохода на пристань транспортируют грузчики. С их помощью бумага, прежде чем дойти до места, претерпевает ряд столь волшебных изменений, что кажется, будто ее обрели не на Балахнинском комбинате, а подобрали на поле сражения, где применялась мощная огневая техника.

Вероятно, среди грузчиков в ходу старинная поговорка: «Бумага все стерпит!» Не менее вероятно и то, что за последнее время у них появился новый вариант этой поговорки: «Начальство тоже все стерпит!»

В самом деле, Министерства целлюлозно-бумажной промышленности, путей сообщения и речного флота пребывают в состоянии этакой лирической созерцательности. Правда, между ними происходит некая переписка, но она по своему характеру еще более бумажная, чем сама бумага, и порче перевозимых грузов, в основном, не препятствует.

А между тем, на места приходит бумага в таком виде, что на ней не то что печатать газеты, а даже и заявления об антигосударственном отношении к грузам написать невозможно.

Однако одни ли только грузчики виноваты в том, что из прибывшей во время прошлой навигации в Свердловск бумаги погибло 120 тонн? А ведь это 4 миллиона экземпляров газет!

Может быть, кто-нибудь из более высоких министерских деятелей также повинен в том, что из присланной в то же время в Ростов-на-Дону бумаги оказалось загублено 300 тонн? А ведь это десять миллионов экземпляров газет!

С большим напряжением сил бумажная промышленность работает на страну. Каждая тонна бумаги — на учете.

Но если до столь плачевного состояния доведены бумажные роли, то какие же неважные роли играют в этой бумажной драме три упомянутых выше министерства!

Я. САШИН

Р. ФРАЕРМАН

ЛЕНИНГРАДКА

Ленинградская писательница А. Котовщикова, только еще начинающая свой путь, написала свою первую повесть «Ее друзья».

О повести следует говорить, так как в ней присутствует и молодое дарование, подающее надежду, и тема, которая всегда будет интересовать нашего читателя и критика.

В книге рассказывается о труде, о людях завода, о молодых рабочих и работницах, недавно пришедших в цех и получивших в свои руки станок.

Некоторые из героев повести еще так молоды—почти дети; и вместе с тем они хорошо понимают и чувствуют свою большую недетскую ответственность.

Они попали на завод по разным обстоятельствам. Одни окончили ремесленное училище, другие — потомки исконных рабочих семей, а третьи — люди, на заводе новые, всей своей прежней жизнью не подготовленные к заводскому труду. Об одной такой девушке, дочери доктора Зайцева, и рассказывает автор. Девушку зовут Людмила. Дело происходит на заводе в Ленинграде, в последний год войны.

Людмила росла без матери, одна у отца. Во время блокады доктор отправил дочь на Алтай, в Бийск, к тетке, а сам ушел на фронт. В Бийске Людмила поступила в школу, в восьмой класс, училась ни хорошо, ни плохо, жила все время в страхе за отца, тоскуя по дому и по родному городу.

Но вот, наконец, блокада снята, немцев гонят на Запад. В Бийск приезжают люди, которые вербуют рабочих и молодежь на ленинградские заводы.

А. Котовщикова. «Ее друзья». Повесть. Лениздат. 1948, 152 стр.

Людмила записывается и уезжает с ними домой.

Два желания руководят ею. Первое — попасть снова к себе, в тот чудесный город, который она так любит, где родилась и выросла, и второе желание — совершить хотя бы небольшой подвиг, хотя бы немного помочь своим трудом общей победе над врагами.

Ленинград еще пуст. В пролом стены в цехе еще можно видеть, как на воле растут березки.

Людмила приходит на завод.

Ее встречают старый мастер «дядя Миша», которого ремесленники называют «Тараканец», и начальник цеха Чумаков. Обоих не радует ее вид в первое мгновение. Это еще девочка, ее надо учить. Она будет ломать инструмент, портить материалы. Сердце старого мастера сжимается от боли за свой цех. Куда лучше было бы, если бы на завод сразу вербовались стахановцы!

У начальника цеха Чумакова иные мысли. Это — человек большого сердца, душевный, умный и расчетливый руководитель. К обучению молодежи у него особенное отношение. Он смело рискует, и в самый напряженный момент выполнения плана он снимает со станка лучшего стахановца, вырабатывающего четыреста процентов нормы, и приставляет его обучать молодежь.

Какой в этом смысл? А смысл, оказывается, есть. Если он обучит хотя бы трех молодых рабочих, которые в скором времени дадут по меньшей мере двойную норму, то и в таком случае они выработают сообща больше, чем он один.

И вот Людмила начинает учиться мастерству.

Учитель попадается ей тоже молодой, почти мальчик — Толя Петухов, работяга, энтузиаст, но злой и по-мальчишески грубоватый. Она его боится, тем более, что до ее красоты и молодости ему, видно, нет никакого дела. Старого мастера «дядю Мишу» она тоже слегка побаивается.

Гул, шум, огромное количество людей, их непонятные пока столкновения — все это пугает Людмилу в первые дни на заводе.

Детство героини, отец, баловавший ее без меры, не подготовили ее к подобной жизни. Заботы не тяготели над ней, жизненных преград не было.

А подвиг труда, даже самый маленький, но каждодневный, беспрерывный, незаметный,—как будто прост, но в то же время сложен, он требует усилий воли, твердости характера.

Писательница это хорошо показала в своей повести, тепло и вдумчиво рассказав о жизни Людмилы Зайцевой. В конце концов девушка вступает в комсомол и становится стахановкой.

Но ничто не пришло к ней сразу, внезапно. Жизнь завода раскрывалась перед Людмилой постепенно. Не легко входила она в дружную рабочую семью. Но зато, войдя, она нашла в ней все, что дорого для человека,—и верных друзей, и радость исполненного долга, и сознание собственной необходимости для общего дела, и трудовую гордость за свой цех, за свой дружный коллектив. Правдивый показ роста сознания Людмилы кажется нам главным достоинством книги молодой писательницы.

В книге есть серьезность, искренность, хотя не всегда эти качества выручают автора. А. Котовщикова назвала свою книгу «Ее друзья», желая, очевидно, обратить внимание читателя на друзей Людмилы Зайцевой.

Но читатель видит и чувствует всетаки лучше Людмилу, а не ее друзей.

Другие герои повести показаны слабее. В изображении их автор часто прибегает к одним лишь внешним характеристикам.

Иногда повествование приобретает характер хроники, хотя автор и пытается связать сюжет случайными обстоятельствами, вроде того, например, что Чумаков, начальник цеха, неожиданно для Людмилы знает про ее отца больше, чем она сама.

В даровании писательницы есть склонность к лирическому и психологическому проникновению в тему. Но она иногда как бы сдерживает себя. Это напрасно. Только заглянув поглубже и внимательней во внутренний мир своих героев, в их психологию, она и найдет то новое и ценное, что обрадует и взволнует читателя, как радуют его лучшие страницы этой привлекательной, поэтичной книги.

В. СОЛОВЬЕВ

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Все сильнее звучат в нашей литературе новые голоса. С каждым годом увеличивается список писателей, недавно еще никому неизвестных, а ныне заслуживших любовь и признание читателя. Тем большее значение приобретает в этих условиях воспитание новых писателей, в руках которых—будущее советской литературы.

Недавно вышедший альманах «Молодая гвардия» об'единяет творчество молодых писателей Советского Союза самых различных национальностей.

Альманах открывается поэмой А. Недогонова «Флаг над сельсоветом». Широкая популярность этого произведения, отмеченного Сталинской премией, свидетельствует о том, что новое пополнение писателей, идущих в советскую литературу со своим опытом, со своими чувствами и думами, не нуждается ни в какой скидке на молодость.

В альманахе молодых писателей эта поэма впервые опубликована полностью (части I и II). Уже первая ее часть подкупала своей силой, свежестью, глубоким проникновением в колхозную действительность.

Вся поэма является гимном колхозному труду, природе русских полей, их раздолью. Колхозный труд изображается автором с подлинно эпическим размахом и в то же время лирически проникновенно; чтобы убедиться в этом, достаточно перечесть главу, посвященную жатве.

Ой, свежа под осень жатва!
Сколько света впереди!
Нива мира, словно клятва,
У России на груди!..

И рядом с этой высокой лирической патетикой мы видим картины, нарисованные реалистически зорко, с тонким чувством юмора. Вот бригадир Андрей Дубков, верховодящий сейчас на поле,

.... мальчика увидел.
Тот, с наполненным мешком,
давит слезы кулаком.

— Что ты плачешь! Кто обидел?
— Колковато босиком!..
— Ты ж в работе всем соперник:
для тебя, имей в виду,
Николай Михалыч Шверник
за труды найдет звезду.
Ну-ка в поле, и не хныч!..
— Хорошо, Андрей Ильич...

Здесь все исполнено света, жизни, юмора, подсмотрено глазом подлинного художника. А. Недогонов умел подметить те черты нового, которые делают его творчество подлинно передовым.

Те же особенности отмечают и небольшую поэму украинского поэта П. Воронько «Из Неметчины в Чернетчину», отлично переведенную на русский язык С. Васильевым. В ней находят воплощение передовые плодотворные тенденции нашего искусства: нерасторжимая связь с жизнью народа, стремление запечатлеть его самые глубокие думы и переживания, выразить их языком, доступным миллионам людей. Мимо этого произведения нельзя пройти, оно захватывает своим лиризмом, стремительностью, всем своим строем — ясным и прозрачным, выражающим большие чувства.

Очень прост с первого взгляда сюжет поэмы. Девочка Катруся, освобожденная Советской Армией, возвращается домой, в свою родную Чернетчину, из немецкого плена, а навстречу движутся наши войска. Радость, ликование Катруси, счастье возвращения на родину выражены поэтом проникновенно и задушевно.

Своеобразные, талантливые произведения А. Недогонова и П. Воронько свидетельствуют о том, что наибольшие успехи одерживают те поэты, в творчестве которых выражаются новые чувства, новые мысли, рожденные советской эпохой, и которые в то же время опираются в своей работе на коренные традиции народной поэзии и реалистического искусства наших классиков.

Однако некоторые молодые поэты полагают, что новаторство заключается в том, чтобы поразить читателя необычностью конструкции и оборотов речи. Стихотворение М. Луконина «Новый дом» написано тяжеловесным, нарочито неуклюжим, угловатым и изломанным языком, изобилует невразумительными оборотами:

Я дрался, не жалея сил,
Над полем сдавливая дрожь...

Автор обещает:

Приду потом —
Построим мы и мост,
и дом,
и рожь...

Абстрактные холодные рассуждения подменяют в стихотворении живую мысль, живое чувство:

Благословляю мир страны трудом.
Дымится мой завод.
Я в Сталинграде строю дом,
В Саратове — газопровод...

Произведение отвлеченно, схематично, безжизненно. Это тем более досадно, что М. Луконин написал ряд удачных стихотворений, которые можно считать примечательным явлением нашей молодой поэзии.

В стихотворении А. Межирова «Дороги осени» есть реалистически зримые детали, но в целом оно условно, аллегорично. Тема строительства в нем (так же как и в ряде других стихов, опубликованных в альманахе) звучит отвлеченно, декларативно.

Встав на леса,
На кирпичи —
На нерушимом пьедестале, —
Здесь
смены
трудятся
в ночи.

Большим достоинством альманаха является то, что в нем представлены молодые поэты всех наших республик. Среди их произведений есть много ясных, свежих, привлекательных. Наиболее удачны «Домик вождя» грузинского поэта Р. Маргиани, «Осенняя ночь в Кахетии» И. Нонешвили, небольшая поэма «Юный градостроитель и страж Верхнего озера» Д. Вааранди (Эстония). В этой поэме интересно переосмысляется старое народное предание о том, что Верхнее озеро должно затопить Таллин, как только прекратится строительство города. Прошла война. Мифический страж озера считает, что настало время «спускать воды на Таллин разбитый». Но юный градостроитель ведет его по городу и показывает, как поднимается город.

Тени заводов вставали вдали,
мчались автомобили,
в тихой воде незнакомых прудов
сонные лебеди плыли...
Город простер свои крылья вдаль,
К пригородам последним.
Озеро на груди его,
как голубой передник.

К сожалению, большинство поэтов представлены в альманахе одним стихотворением. Мы не успеваем познакомиться с ними, понять своеобразие каждого из них.

Молодая литература, как мы уже подчеркнули, не нуждается ни в каких скидках на молодость. Однако редакция «Молодой гвардии» не всегда следует этому условию.

Наряду с удачными стихотворениями (Л. Хаустова, С. Орлова, А. Клочина, Г. Кикинова и др.), в альманахе немало произведений слабых, вялых, беспомощных.

Когда М. Новиков пишет:

Кто с юта проходил на бак,
Тот мог назваться акробатом,

— то этими цирковыми образами он совершенно не выразил характера службы на море.

У Б. Карпенко мы читаем в стихотворении «Гвардеец»

Быть может, вспомнился ему
Лесных черемух белый дым...

Этот явно заимствованный образ («Все пройдет, как с белых яблонь дым» — С. Есенин) меньше всего свидетельствует о творческой зрелости автора.

Редакция должна была проявить заботу не столько о количестве поэтов (их представлено больше 60), сколько о том, чтобы каждый из них обладал творческим лицом и высоким уровнем мастерства.

В прозаическом отделе альманаха опубликован ряд удачных произведений. Отрадно, что молодые писатели упорно работают над коротким рассказом, и иные из них добились несомненных успехов в этом трудном жанре. Для авторов лучших рассказов альманаха характерно не отвлеченное, умозрительное, а активное творческое восприятие жизни.

Удачен рассказ Н. Зеленского «В резерве», повествующий о скромной девушке из медсанбата. Без пафоса и нарочитой приподнятости передает автор героику военных будней, при помощи скупых деталей, подмеченных порой с тонким юмором, раскрывает новые черты психологии советских людей.

Герой рассказа А. Медникова «Первый день», вернувшийся с войны в родной город, хочет покинуть его. Дом, где он жил, разрушен, жена расстреляна немцами, все окружающее вызывает слишком тяжкие воспоминания. Но, участвуя в ночной авральной работе (в городе восстанавливается гидростанция, и ночью начинается наводнение, которое грозит разрушить дамбу), Трегубов, герой рассказа, снова испытывает ощущение полноты жизни, радость творческого труда и находит свое место среди близких ему людей.

В рассказе белорусского писателя А. Кулаковского «Сад» тоже говорится о вернувшемся с фронта в родной колхоз воине, о том, в каких сложных условиях идет восстановление, борьба с пережитками чуждых влияний.

Эстонский прозаик Э. Мянник дает волнующий образ матери, отомстившей немцам за то, что они убили ее сына.

Пожалуй, наиболее удачен в альманахе рассказ ленинградского писателя С. Антонова «Книжки-задачники», повествующий о нашей колхозной молодежи, талантливой и настойчивой, стремящейся к знанию.

Таковы лучшие прозаические произведения альманаха.

Иные рассказы, помещенные в сборнике, несамостоятельны. Так, «Строитель» В. Дудинцева — всего только мало удачный вариант повести Н. Асанова «Волшебный камень»; здесь действует тот же молодой геолог-энтузиаст, и любимая женщина также уходит от него и отправляется в Москву, бежит от трудностей.

То же самое можно сказать и о рассказе Л. Апостолова «Морячина»; с его героем — старым боцманом мы встречаемся в литературе не впервые, ничего нового автор нам не рассказал.

Нельзя признать удачной повесть «Будем жить!», принадлежащую М. Шеломаеву. Автор ограничивается сухим пересказом событий, напоминающим беглую конспективную запись. Плохо представляя себе своего героя, М. Шеломаев не сумел сделать конкретным его образ. Повесть написана к тому же серым, невыразительным языком.

Появление альманаха «Молодая гвардия» — отрадное событие. Сборник свидетельствует о притоке новых молодых сил в литературу, о непрерывном пополнении ее новыми писателями, тесно связанными с жизнью.

«Молодая гвардия». Альманах молодых писателей. Изд-во «Молодая гвардия». 1948, 286 стр.

Анатоль ИМЕРМАНС

Ленин в Риге

По улице, где каждая квартира
Косилась окнами нужды и горя,
Он быстро шел,
И будущее мира
С ним рядом шло, его походке вторя.

Был мир еще, казалось, неизменен,
И люди о свободе лишь мечтали,
Но, проходя весенней Ригой, Ленин
Уже глядел в сияющие дали.

Навстречу шли
По хмурой Цесу-иела
Рабочие, согнув устало плечи.
Формовок пыль в морщинах бронзовела,
Был слышен звук латвийской быстрой
речи.

И Ленин всматривался теплым взором
В худые и обветренные лица,
Он видел близящийся бой, в котором
Латыш и русский
Будут рядом биться.

Снег таял...
Мчались ручейки вдоль зданий,
Звенящими капелями облитых.
И думал он о будущем восстаньи,
Что загрохочет и на этих плитах!

Он прозревал
Огромные высоты,
Под'ем к которым — счастье человека...
Летел над Ригой
Год Девятисотый —
Канун коммунистического века.

Перевел с латышского
Ник. ПАНОВ.

Н. ТЕЛЕШОВ

Из прошлого столицы

Книгу А. Вьюркова с несомненным интересом встретит современный читатель. Это не воспоминания, не мемуары, а именно рассказы о жизни старой Москвы. Иногда они касаются очень отдаленного прошлого,—такова, например, легенда из времен татарских набегов о происхождении названия замоскворецкой слободы «Бабий городок». Иногда они рассказывают о сравнительно недавнем времени, таковы очерки о «Козихе», о «Бутырках» и других московских улицах. Эпоха первой русской революции 1905 года отражена во многих рассказах книги. Ярко описано, например, строительство баррикад на Смоленском рынке, сцены расправы драгун и полиции с дружинниками.

Повесть «Козиха» хорошо рисует быт и нравы прежнего студенчества, ютившегося в небольших квартирках близ Бронной. Здесь рассказано о необычайной для того времени судьбе талантливого молодого крестьянина Василия Михеева, бывшего и дворником, и столяром, а затем, с помощью студентов поступившего учиться в Московский университет. Сильное впечатление производит рассказ «Улица просвещения». По словам автора, «в Москве, что ни улица, то страница истории. Такова, например, Никольская. На ней возникли очаги всех самых крупных культурно-просветительных учреждений на Руси. Первая типография. Первая высшая школа. Университет. Первая книжная лавка. Первая публичная библиотека». Автор напоминает о молодом царе Иване Грозном, нетерпеливо ожидавшем первую книгу на Руси и принявшем ее, как драгоценный дар.

Хорошо рассказана история Миусской площади, где по преданию был казнен сообщник Степана Разина — казак по прозвищу Миуска и где впоследствии был открыт первый народный университет.

Очерки Вьюркова о старой Москве разнообразны. Одни из них более удачны, другие — менее. Но описывает ли автор студенческий праздник «Татьянин день», рассказывает ли он о вербном гулянье на Красной площади, говорит ли о первом народном университете, — везде он рисует Москву яркими штрихами, проявляя хорошее знание прошлого столицы.

А. Вьюрков. «Рассказы о старой Москве». «Московский рабочий». 1948. 272 стр.

Весной 1900 года В. И. Ленин на один день приезжал в Ригу для встречи с латышскими социал-демократами. На доме по Цесу-иела 17, где он останавливался во время пребывания в Риге, установлена мемориальная доска.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Человек в джунглях

В дни войны, когда за рубежом особенно жадно ловили каждое слово о России, о жизни нашей Родины, о быте и характере русских людей,—на американском и английском книжных рынках появилось множество книг, написанных по давним воспоминаниям людьми, которым довелось побывать в России много лет назад. «Матушка-Россия», «Душа русского мужика», «На берегах Волги», всевозможные «Русские дневники» и «Русские записки», — книги с подобными названиями издавались чуть ли не сотнями.

Многие из них были написаны с самыми лучшими намерениями. Авторы стремились быть честными. Но анахронизмы превращали все эти книги в забавный анекдот. Никакого представления о нашей стране читателю дать они не могли.

Виденное двадцать лет назад не могло бы быть увидено нынче. Образ жизни, с которым повстречался путешественник, не похож был на нынешний образ жизни в советской стране. Описанные характеры имели мало сходства с характерами советских людей, которые в годы появления этих книг вели жесточайшую войну за свою свободу и независимость.

Мы привыкли к стремительно изменяющейся жизни.

Даже в нашей собственной литературе книга, рассказывающая о событиях, происходивших пятнадцать, даже десять лет назад, воспринимается, как книга историческая. Стремительно изменяются не только материальные, внешние признаки жизни,—меняется и существо конфликтов, принципы человеческих отношений. За первое двадцатилетие после революции страна шагнула от капитализма к социализму. Пройдя через горнило войны, народ продолжает стремительное движение к коммунизму. В этом движении меняется человек, меняется отношение к миру, распрямляются плечи, шире и свободнее становится дыхание.

Потому-то и оказывается анекдотичной, неверной любая книга о нашей стране, написанная лишь по старым воспоминаниям.

Небольшой сборник рассказов В. Билль-Белоцерковского, известного советского драматурга, напоминает о том, что стремительные изменения происходят, однако, не везде, что темп изменений, привычный для нас, не характерен для капиталистических стран, живущих застойной и страшной жизнью.

Автор, в прошлом бывалый моряк, пишет в кратком предисловии:

«В течение многих лет (с 1900 по 1917 год) я пробыл за границей. Мне пришлось много скитаться по морям и по суше, по городам Америки и Европы. На основе личных наблюдений написаны мною эти рассказы. Во многом они автобиографичны».

Таким образом, автор сам предупреждает, что книга исторична, что картины, описанные в ней, обладают более чем тридцатилетней давностью.

И тем не менее, читая любой из рассказов, составляющих книгу, мы вовсе не ощущаем ее, как книгу о прошлом. Каждый рассказ вызывает в памяти телеграммы и сообщения, прочитанные в недавних газетах; то, что видел за рубежом писатель почти полвека назад, увидел бы он и сегодня. В «царстве чистогана», при всех многочисленных частных изменениях, законы жизни остаются прежними.

Вот рассказ «Пять долларов». Безработный рассчитывает каждый цент из своих скудных сбережений. Он голодает. Только пять долларов сохраняются в неприкосновенности — те пять долларов, которые нужно заплатить хозяину частного бюро по найму, если тот, наконец, подыщет ему работу. Проходит месяц, три, полгода... И когда наступает желанный день и голодный человек переступает через порог фабрики,—оказывается, что он настолько истощен, что и работать уже не в силах. Его выгоняют. Заветные пять долларов пропали зря.

О случаях, подобных этому, можно услышать и сегодня, если поинтересоваться причинами десятков ежедневных самоубийств в «стране доллара».

В рассказе «Хороший урок» человек, заменивший окномоя небоскреба, получает на десять долларов меньше положенной ставки только потому, что он по происхождению не американец. Он ищет справедливости, но не находит ее ни в профсоюзе, ни в суде. Всё куплено, всё служит капиталистам. Это вовсе не только история. Это нынешний день капиталистического мира.

«Простой пациент». Профессор отказывает в помощи больному рабочему, потому что тот не в состоянии заплатить столько, сколько «светило науки» обычно берет за визит. «Бисмарк и негр»: матрос состарился, и его выгоняют, выбрасывают с корабля «грубо... как тряпку за борт». История человека, которого страшный капиталистический строй лишил жены и ребенка, но не сумел исковеркать прекрасную душу простого труженика, — душу отзывчивую, не очерствевшую от испытаний, полную любви к собратьям по труду и восстающую против черствости, несправедливости и жестокости. Об этом рассказано в «Старом Чили». Безработный, осатаневший от голода, садится за ресторанный столик и заказывает один за другим три бифштекса, хотя в кармане у него нет ни цента. За бифштексы он расплачивается пятью месяцами своей свободы («Три бифштекса с приложением»). Негр-боксер побеждает на матче белого чемпиона и должен немедленно скрыться, бежать неведомо куда, чтобы спастись от суда Линча («Пощечина»). Таковы сюжеты рассказов книги, написанной несколько старомодно, в манере, которая заставляет вспомнить почерк Константина Станюковича, предпочитавшего форму рассказа от первого лица, не увлекавшегося острой сюжетностью, обходившегося без всяких словесных украшений. Он бесхитростно и скупо рисовал портреты и пейзажи, но умел, рассказывая о своих героях, вызывать в читателе любовь и сочувствие к тем людям, с которыми знакомила его книга.

Есть в сборнике рассказ «В джунглях Парижа». Рассказ этот отточен больше, чем другие произведения книги. Слова в нем отобраны бережнее, образы ярче. Описаны здесь переживания безработного, бездомного человека, скитающегося по огромному городу. В лихорадочном бреду находит он пустую будку в зоологическом саду; наутро с трудом выползает из нее, чтобы начать новый страшный день борьбы с голодом, толкающим человека к львиной клетке, куда принесли кусок мяса, в двери кафе — на запах горячей пищи, в пышный вход Лувра, только потому, что туда потоком идут другие люди, и потому, что там, вероятно, тепло, а может быть, можно даже присесть в тепле и задремать ненадолго...

«Кренятся дома и фонари,—заканчивается этот рассказ.—Тогда я ложусь на асфальт и, как черепаха, ползу в сторону, противоположную крену...»

Человек, низведенный до состояния животного; враждебный город, окружающий его, как джунгли, из которых нет иного выхода, кроме могилы,—об этом написаны все десять рассказов, составляющих книгу. Это десять картин, раскрывающих перед нами враждебный человеку капиталистический строй и созданный им уродливый уклад жизни.

Эта первая беллетристическая книга, написанная одним из старейших советских драматургов, глубоко человечна. Любовь к простому труженику и ненависть к его угнетателям наполняют страницы книги живым, заражающим читателя чувством.

В. Билль-Белоцерковский. Рассказы. «Советский писатель». 1947, 208 стр.

И. НЕСТЬЕВ

Писатель и композитор

Русская классическая музыка развивалась в тесном творческом взаимодействии с передовой русской литературой. Гением Пушкина освещена вся история нашей оперной классики. Пушкина справедливо называют «солнцем русской музыки». Перечень опер, написанных на пушкинские сюжеты, представляет лучшее, чем гордится наш оперный театр: «Руслан и Людмила», «Русалка», «Каменный гость», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Мазепа», «Сказка о царе Салтане», «Золотой петушок», «Алеко». Пламенная романтика Лермонтова открыла русским музыкантам поэзию Кавказа (опера «Демон» А. Рубинштейна, симфоническая поэма «Тамара» М. Балакирева). Гоголевская сочная сказочность и юмор воплотились в «Майской ночи» Н. Римского-Корсакова, «Сорочинской ярмарке» М. Мусоргского, «Черевичках» П. Чайковского, «Ночи перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова. Народность Островского вызвала к жизни оперу «Снегурочка» Н. Римского-Корсакова и музыку к этой сказке П. Чайковского, «Воеводу» П. Чайковского, «Вражью силу» А. Серова. Не перечесть прекрасных романсов и хоров на слова русских поэтов-классиков.

Все лучшие, прогрессивнейшие стремления колоссов русской музыки XIX века, их отклики на живые запросы жизни, современности, почти как правило, рождены влияниями демократического литературного движения. Рылеевский «Сусанин» — один из первоисточников великой оперы Глинки. Родоначальник русской оперы дружил с Пушкиным, Дельвигом, Жуковским, воспитывался у декабриста Кюхельбекера. Интереснейшая обличительно-сатирическая струя в романсовом творчестве Даргомыжского родилась в результате его близкой дружбы с поэтами демократической «Искры». Молодые участники «могучей кучки» зачитывались герценовским «Колоколом», выковывали свои воззрения под влиянием трудов Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Гениальный Чайковский близко общался с Островским, встречался с Толстым и Чеховым. Наиболее радикальный из кучкистов М. Мусоргский с непримиримой яростью ополчался против «симфонических попов», ограничивающих все свое мышление лишь узкой ремесленно-музыкантской проблематикой. Он звал музыкантов отрешиться от цеховой замкнутости, ставя им в пример бо́льшую широту интересов художников смежных областей: «Отчего, скажите, когда я слышу беседу юных художников-живописцев или скульпторов... я могу следить за складом их мозгов, за их мыслями, целями, и редко слышу о технике — разве в случае необходимости. Отчего... когда я слушаю нашу музыкальную братию, я редко слышу живую мысль, а все больше школьную скамью — технику и музыкальные вокабулы?»

Творческое общение музыкантов с мастерами смежных искусств всегда было взаимным. В свою очередь крупные писатели и поэты, как Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Чехов, Горький, жадно тянулись к музыке. Чудесной атмосферой музыкальности проникнуты многие классические произведения русской литературы. Пушкин писал свою «Русалку», как оперное либретто. Островский самостоятельно составлял либретто «Воеводы», «Вражьей силы». Сохранилось неосуществленное оперное либретто А. М. Горького. Интересное оперное либретто, к сожалению, до сих пор не до конца реализованное, создал А. Н. Толстой (опера «Декабристы» Ю. Шапорина).

Мы проделали этот краткий исторический экскурс для того, чтобы с грустью констатировать, что замечательные традиции творческого содружества литературы и музыки в наше время, увы, во многом утеряны. Годы увлечения «левым» формалистическим искусством надолго разобщили музыкантов и литераторов. Буржуазные композиторы XX столетия презрительно отказывались от «слишком земных», «слишком реальных» жанров оперы, хоровой музыки, песни. «Музыка ни в теме, ни в плане своем совершенно не зависит от слова», — утверждали символистские «Труды и дни». «Музыка есть искусство метафизическое, не имеющее никакого отношения к миру явлений», — возвещал орган русских модернистов «Золотое руно». В течение многих лет композиторы «новейших школ» отдавали предпочтение непрограммной музыке, музыке без текста, ибо только такая музыка, по их мнению, способна в полной мере выразить непознаваемую иррациональную сущность этого «таинственнейшего из искусств».

Поэты в свою очередь создавали вычурные поэтические конструкции, самодовлеющие «звукокомплексы», никак не пригодные для использования их в качестве вокальных текстов. Такие стихи не ложатся на музыку, не поются; нет и не может быть ни одного удачного романса на стихи, скажем, В. Хлебникова или Б. Пастернака.

Разобщенность поэзии и музыки дает себя чувствовать и в наше время. Антинародная декадентщина чаще всего свивала себе гнездо именно в музыке, лишенной слова или ясно очерченной мысли, идеи, образа; такая музыка, оторванная от сюжетной основы, от какого-либо идейно-программного или поэтического замысла, легко превращалась в абстрактное комбинирование «оригинальных» звучаний. Авторы в таких случаях стыдливо умалчивали о первоначальных идеях, положенных в основу произведения, ибо выступали как комбинаторы звукосочетаний, а не как мыслители и учители жизни.

Надо признать, что наши композиторы в большинстве своем мало знают советскую поэзию, не вчитываются в нее с подлинной зоркостью и заинтересованностью, не выискивают в ней зерна настоящей, большой музыкальности. Многие превосходные образы нашей поэзии, отмеченные высокой мудростью и романтическим очарованием, ждут еще своего музыкального претворения. Не всегда просто и легко для композитора «омузыкалить» современные стихи Н. Тихонова, Э. Багрицкого, А. Твардовского, не говоря уже о Владимире Маяковском, но это задача в полном смысле новаторская и благородная.

Очень небогата советская романсовая литература. Немногие лучшие романсы, вошедшие в репертуар певцов, написаны, главным образом, на стихи Пушкина или Блока. Современность в этом жанре почти не отражена. Между тем, наиболее здоровые реалистические побеги в советской музыке почти всегда тесно связаны с литературным движением. Напомню оперу «Тихий Дон» И. Дзержинского, превосходные хоры А. Давиденко, оратории «Емельян Пугачев» М. Коваля и «На поле Куликовом» Ю. Шапорина. Проза М. Шолохова, поэзия Н. Асеева, В. Каменского, А. Блока вдохновили эту музыку.

Взлет советского песенного творчества, начиная с 1935—1936 гг., есть результат крепкого содружества композиторов и поэтов-песенников. Успех М. Исаковского—это в то же время успех В. Захарова, М. Блантера, Б. Мокроусова. Лучшие строки стихов В. Лебедева-Кумача дошли до массового адресата, лишь зазвучав в песнях И. Дунаевского. Работа в песенном жанре сделала всенародно популярными имена А. Суркова, В. Гусева, С. Алымова, Е. Долматовского и ряда других поэтов.

Совместная работа композиторов и поэтов-песенников стала хорошим обычаем. Взаимные консультации, живая творческая взаимосвязь помогают создавать такие песни, в которых музыка и текст сливаются в органическое целое. Жаль, что у нас мало хороших поэтов, умеющих сочинять песни, а новых имен в этой области почти не видно (то же, впрочем, и с композиторами-песенниками).

Необходимо, чтобы и в области оперного искусства, а также в жанре романса, хора, оратории был достигнут такой же живой, плодотворный контакт между композиторами и литераторами, какой уже достигнут в области песни.

Здесь следует пред'явить счет и нашим уважаемым литераторам. Значительная часть советских поэтов и писателей плохо знает музыку и мало ею интересуется. Это, несомненно, приносит вред самим литераторам, особенно поэтам. Настоящая поэзия не может не быть музыкальной, в широком понимании этого слова. А советские композиторы, обращаясь к современным стихам, не так часто находят для себя такие строки, которые сами «просятся на музыку». Стихи, в которых есть только правильные мысли и мало эмоционального жара, внутренней музыкальности, не могут вдохновить композиторов и исполнителей; так же бесполезны для создания романса, песни или хора стихи, отличающиеся искусственной звонкостью и внешней «оригинальностью».

Многие из поэтов только выиграли бы в своем творческом росте, обратившись к музыкальным жанрам — песне, романсу, оратории, хору. Сколько стихотворений Кольцова, Некрасова, Полонского, Фета, Тютчева, Плещеева, Ал. Толстого, не говоря уже о Пушкине и Лермонтове, вошли в быт благодаря музыке в ярком музыкальном претворении. Не надо забывать о том, что самый широкий, самый массовый читатель воспринимает стихи в первую очередь в пении, через эмоционально захватывающую стихию музыкальности.

Особо остро стоит вопрос о привлечении литературных сил к созданию советской оперы. Наши драматурги и поэты пренебрегают этим жанром, не любят его и не знают его сложных законов. Над оперными либретто часто работают полудилетанты, третьестепенные авторы. Успехи советской оперы, к которым призвала нас партия, невозможны при отсутствии высокоталантливой, вдохновенной оперной драматургии. Помощь оперным композиторам со стороны советских литераторов так же необходима и важна, как их участие в области киноискусства. Провал оперы В. Мурадели «Великая дружба» есть не только провал музыки, но и провал оперной драматургии. Г. Мдивани создал образец лакированного, «обтекаемого» либретто, скрывающего за внешним эффектом историческую фальшь, пустоту содержания. Советские драматурги, бесспорно, в состоянии создать для будущих опер ценные и талантливые либретто.

Надо пожелать, чтобы происходящий ныне в Москве первый Всесоюзный с'езд советских композиторов открыл путь и к подлинному творческому содружеству музыкантов и литераторов нашей страны, насущно необходимому для дальнейшего расцвета всех форм советского музыкального искусства.

М. МЕНДЕЛЬСОН

Четыре дня в Кларктоне

Ховард Фаст—коммунист, один из популярнейших американских писателей. Наиболее значительные свои вещи он создал в годы второй мировой войны.

Фаст известен в США, главным образом, как автор исторических романов о прошлом Америки, о свободолюбивых традициях американского народа, о борьбе простых людей за свои права. Именно эта сторона романов Фаста привлекла симпатии демократически настроенных читателей.

Недавно исторический романист Фаст выступил с книгой о современности. В романе «Кларктон» *, вышедшем в свет в конце прошлого года, писатель рассказывает об обострении классовой борьбы в послевоенной Америке, о фашистских настроениях в правящих кругах и о растущей воле к сопротивлению среди рабочих.

Кларктон — маленький промышленный городок Новой Англии на севере США. В романе описываются события, разыгрывавшиеся там в течение четырех дней — с 6 по 9 декабря 1945 года. На единственном крупном предприятии города происходит забастовка — рабочие добиваются повышения заработной платы. Владелец фабрики Джордж Лоуэлл отнюдь не намерен удовлетворить их требования. По совету управляющего, он решает пригласить на помощь представителя одной из специальных американских организаций по борьбе с профсоюзами.

На другой день в Кларктоне появляется некто Гамильтон Гелб. Рабочие узнают в нем человека, который до войны сорвал немало забастовок в различных частях страны. С помощью местного начальника полиции, судьи и провокатора, проникшего в ряды забастовщиков, разрабатывается план разгрома стачки.

Прежде всего Гелб изобретает «легальный» повод для того, чтобы арестовать тех, кто возглавляет забастовку, — коммунистов Дэнни Райяна и Джо Рэя. Райян и Рэй в руках полиции. Гелб пытается их подкупить. Потерпев неудачу, Гелб переходит к откровенно фашистским методам: незаконно арестованных стачечников подвергают страшным истязаниям. Однако сломить волю коммунистов не удается, — как только Райяна выпускают из застенка, он организует мощную демонстрацию протеста. Полицейские стреляют в демонстрантов — среди стачечников есть убитые и раненые. И все же Гелб и те, кто за ним стоит, не добились цели. Стачка продолжается...

Выразительно рисует автор образ профессионального штрейкбрехера Гелба. Это холодный, расчетливый и циничный прислужник крупного капитала. Он знает, что коммунисты пользуются доверием рабочих, а поэтому считает, что бороться против коммунистов нужно путем самого жестокого террора.

Фашисту Гелбу противопоставлен Дэнни Райян, секретарь фабричной коммунистической ячейки. Этот простой, скромный рабочий — человек проницательного ума и огромного мужества. Райян первым догадывается, что в борьбе против забастовщиков фабрикант Лоуэлл не остановится ни перед какими подлостями. Сила убеждения, свойственная Райяну, позволяет ему повести за собой рабочих, несмотря на колебания Носки, официального руководителя профсоюза.

Роман Фаста убедительно свидетельствует, что современное политическое и экономическое положение в США толкает простых американцев на путь более сознательной и активной борьбы против сил реакции. Эта книга говорит также об идейной близости писателя к наиболее передовым слоям американского народа.

И все же нужно сказать, что «Кларктон» страдает серьезными недостатками, снижающими идейно-художественную ценность романа.

Наибольшее внимание автор уделяет образу капиталиста, владельца кларктонской фабрики. Джордж Лоуэлл стал хозяином предприятия только в 1940 году, после смерти отца. При старом Лоуэлле в Кларктоне господствовали «нормальные» капиталистические порядки — рабочие бастовали, Лоуэлл привозил штрейкбрехеров и нанимал полицейских для разгрома стачек, борьба между фабрикантом и трудящимися носила весьма откровенный и острый характер. Джордж Лоуэлл, как показывает Фаст, вначале, видимо, искренне верил, что порядкам, существовавшим при отце, больше нет места. «Ведь это не тридцатые годы», — говорит он. Ряд лет в Кларктоне не было забастовок, все шло тихо и мирно. Но вот в конце 1945 года, когда профсоюз выдвинул требование о повышении заработной платы и организовал стачку, молодой Лоуэлл пошел по стопам отца.

Несмотря на свои либеральные высказывания, фабрикант пригласил в Кларктон Гелба и, по существу, санкционировал его действия. Попутно выяснилось, что Лоуэлл — развратник, что он бездушный, разложившийся человек. Фаст уделяет чрезвычайно много места показу жизни Лоуэлла и его семьи, старательно описывает любовные похождения фабриканта, находя нужным останавливаться на самых отвратительных натуралистических подробностях.

Рядом с Лоуэллами писатель изображает чету Эбботов. Доктор Эббот и его жена — коммунисты. Но они связаны с Лоуэллами узами многолетней дружбы. Если верить автору книги, подлинный облик фабриканта все время оставался для них тайной за семью замками, и только события, происшедшие за четыре дня, которые описаны в романе, открыли Эбботам глаза. Доктор Эббот в конце-концов гонит прочь своего «друга», когда тот приходит к нему, чтобы попытаться реабилитировать себя.

Все это, конечно, явная фальшь. Но история взаимоотношений Лоуэллов и Эбботов лишь подчеркивает искусственность, свойственную также некоторым другим частям романа. В первых главах книги Фаст создает впечатление, будто в Кларктоне, несмотря на происходящую там забастовку, царят почти патриархальные нравы, точно в этом городке не знают, что такое классовая борьба. Даже коммунисты, за исключением Райяна, находятся в плену благодушных настроений. Недавно закончившаяся война прошла мимо сознания жителей Кларктона, смысл ее никого не интересует. Жители этого промышленного городка, одного из центров американской индустрии, как бы вырваны из общего потока современной американской жизни.

Вместо того, чтобы показать с должной конкретностью, на основе реальной исторической действительности, как складывались в Америке отношения между капиталистами и рабочими в годы второй мировой войны, когда американские реакционеры не решались особенно откровенно пропагандировать свои воззрения, и какие изменения произошли после ее окончания, когда капиталисты в США перешли к агрессивному курсу и во внешней, и во внутренней политике, Фаст преподнес читателю выдуманную историю о «добром» капиталисте, по воле случая ставшем хозяином фабрики как раз накануне вступления США в войну, и о его «грехопадении» после окончания войны.

Фаст обеднил свой роман, ибо он в значительной степени рассматривает описываемые события не с социально-исторических, а с абстрактно-психологических позиций.

Советский читатель еще мало знаком с творчеством Ховард Фаста. Недавно Государственное издательство иностранной литературы выпустило интересный роман Фаста «Последняя граница». Это первая книга писателя, переведенная на русский язык. Заслуживает перевода также роман «Дорога свободы», показывающий страшную судьбу негров в «демократической» Америке.

Следует надеяться, что писатель, продолжая работу в области современной темы, сумеет дать более глубокую и более правильную картину той борьбы между силами реакции и силами демократии, которая развертывается в Америке.

* Howard Fast. Clarkton. Duell Sloan and Pearce New-York. 1947.

«Король Мертвого моря»

С некоторых пор заброшенный в далеком Заиорданье близ Мертвого моря маленький, пыльный арабский городок Амман стал одним из основных центров, откуда британские дипломаты и агенты разведывательной службы плетут сеть заговоров против народов Ближнего Востока.

Чем же, собственно, обязан Амман такому вниманию Лондона? Почему Форейн оффис избрало этот унылый уголок в качестве центра для распространения своей деятельности в странах арабского Востока?

Дело в том, что Амман — столица Трансиордании и резиденция Абдуллы, марионеточного монарха этого марионеточного государства, блудливого старца и, как он сам говорит, «самого надежного друга и слуги Британской империи на Ближнем Востоке».

У Абдуллы солидный стаж верной службы британской короне и предательства национальных интересов арабов. Незадачливый отпрыск бывшего хашемитского короля Хуссейна, Абдулла еще в юности позорно бежал под защиту штыков британской армии из охваченного войной Геджаса, где его соплеменники сражались с династией вахаббитов.

Абдулла первый приветствовал пришедших на смену туркам англичан, как «освободителей», помогал английскому генералу Алленби и разведчику Лоуренсу «осваивать» Ирак, Сирию, Палестину. Он был проводником отрядов английских карателей в «непокорных» районах арабского Востока. На короткое время Абдулла взобрался на багдадский престол и сразу же отдал на откуп английским колонизаторам нефтяные богатства Ирака.

Абдулла, понадеявшийся на щедрость своих хозяев, не ошибся в расчетах. Когда англичанам понадобился надежный холоп для водворения в качестве эмира на отторгнутой от Палестины подмандатной территории за рекой Иордан, их выбор пал на Абдуллу.

Получив в 1921 году от Черчилля «самостоятельный» эмират, а в 1946 году от Бевина «независимое» королевство, Абдулла превратил маленькую страну в крупнейшую британскую казарму. Расположенная в самом сердце арабского мира, Трансиордания стала главной базой вооруженных сил Англии в этом важном стратегическом районе. Трудно сказать, кого больше на трансиорданской территории — подданных его величества короля Трансиордании или солдат его величества короля Великобритании.

Сейчас английское лейбористское правительство стремится любой ценой сохранить военные базы на территории «независимого королевства» Абдуллы, откуда можно постоянно угрожать свободе и независимости Сирии, Ливана, Египта, Саудовской Аравии и Ирака, влиять на их внешнюю и внутреннюю политику, охранять интересы английских и американских нефтяных компаний.

Время от времени англичане выпускают Абдуллу в качестве пугала на арену для устрашения арабских народов и их правительств. Он истерически требует ликвидации республиканских Сирии и Ливана, аннексии Палестины, присоединения Ирака, вопит о создании «Великой Сирии». Эта черчиллевская идея «единого арабского государства» особенно ему улыбается. Такое государство, естественно, должно походить на нынешнюю Трансиорданию, и Абдулла, слава аллаху, уже видит себя всеарабским «фюрером».

Голова Абдуллы напичкана десятками проектов и планов. Он произносит вслух то, что вынашивается в тиши кабинетов Форейн оффис и Интеллидженс сервис в Лондоне. То и дело из Аммана раздаются призывы к заключению военного союза арабских стран с «дружественной» Англией, к организации «восточного блока», к борьбе с коммунизмом. Разжигая междоусобицу среди народов Палестины, Абдулла переправляет в эту страну отряды трансиорданской армии, прикрывая интервенционистские действия им же выдуманной басней о «советском проникновении на святую землю». 18 апреля ретивый «потомок пророка» заявил о готовности начать военные действия в Палестине.

Этот английский попугай устраивает пышные приемы и пресс-конференции, пишет мемуары, рассылает своих эмиссаров во все страны и нагло выступает «от имени всех арабов».

Он совершает выезды и подписывает договоры. Забыв о черных временах владычества Османской империи на арабском Востоке, Абдулла мчится в Анкару и заключает трансиорданско-турецкий союз. Он понуждает к заключению подобного же союза нещадно обобранную турками Сирию. В Лондоне он подписывает протокол о «дружбе и независимости», в Багдаде — военный союз.

Каждый шаг этого фарисея и лицемера — очередное предательство дела независимости арабов. Стараниями Абдуллы и других английских подголосков Лига арабских стран фактически превратилась в послушное орудие англичан.

Ближайшим другом и советчиком Абдуллы и начальником вооруженных сил Трансиордании является широко известный на арабском Востоке Глабб-паша, английский генерал Джон Багот Глабб, матерый шпион, мастер интриг и провокаций среди племен и один из главных исполнителей британских планов на Ближнем Востоке. В своем служебном рвении Глабб-паша давно перещеголял всех других английских агентов в этом районе, даже принял ислам, ассимилировался и втерся в доверие арабов.

Через Глабб-пашу в карманы Абдуллы перекочевал не один миллион фунтов стерлингов. Слуга получает с хозяина сполна — за содержание на трансиорданской территории английских войск, за организацию смут в соседних странах, за борьбу с коммунизмом, за военные союзы и жандармскую службу.

После скандального провала в январе-феврале нынешнего года англо-иракского договора о «совместной обороне», вызвавшего всенародные демонстрации протеста в Багдаде, Абдулла поспешил направить в Лондон своих представителей — Глабб-пашу и премьер-министра Тевфик-пашу. Целью их поездки было «выражение соболезнования» г-ну Бевину и пересмотр англо-трансиорданского договора 1946 года с тем, чтобы еще больше укрепить «дружественные узы» между Англией и Трансиорданией.

И вот недавно, 15 марта, в Аммане был провозглашен новый военно-политический союз между двумя странами, предусматривающий право транзита через территорию Трансиордании неограниченного количества британских войск, использование военно-воздушных баз, устройство военных складов, совместное обучение войск и стандартизацию вооружения.

За поддержание престижа г-на Бевина на Ближнем Востоке после краха его политики в Ираке и Египте англичане обязались выплачивать Абдулле 500 тысяч фунтов стерлингов в месяц, не считая разовой суммы в два миллиона фунтов.

Отражая мнение подавляющего большинства населения Ближнего и Среднего Востока, каирская газета «Аль-Балаг» 19 марта писала, что «горечи и недовольству арабов очередным предательством Абдуллы — нет предела». «Для блага всех арабов, — заявляет газета,— парламент Трансиордании должен отвергнуть договор по примеру Египта и Ирака, которые отбросили даже менее кабальные варианты этого договора».

Однако нелегко унять властолюбивого и жадного монарха Трансиордании, этого «короля Мертвого моря», как называют его арабы, который продолжает бряцать оружием, обещает скрутить в бараний рог соседние государства и стать коронованным владыкой группы стран, об'единенных в пресловутой «Великой Сирии» — варианте «Великой Германии» Гитлера.

Англичане всячески подогревают воинственный пыл Абдуллы. Они знают, что, если на тропе «Великой Сирии» или «Великой Трансиордании» будет находиться Абдулла, — им легче будет осуществлять свои замыслы и вести борьбу с национально-освободительным движением народных масс.

Но судьбы арабских народов будут решать не англичане и их ставленники типа Абдуллы, а сами народы. «Король Мертвого моря» чувствует это. Говорят, что в последнее время он частенько жалуется на нервное расстройство и... постепенно переводит капиталы за границу. В его памяти, видимо, еще слишком свежи февральские события в соседнем Ираке, где многотысячные толпы народа, возмущенные преступной сделкой правителей с англичанами, вышли на улицы Багдада с грозным предупреждением предателям национальных интересов и перепуганный премьер-министр Салех Джабур трусливо бежал от раз'яренных демонстрантов на британском самолете в Лондон...

Г. ОСИПОВ

В городе Фурманове забыли о Фурманове

Года полтора назад, приехав в город Фурманов, Ивановской области, мы собрались было пойти в музей Д. А. Фурманова. К большому нашему удивлению, нам сказали, что никакого музея в городе нет и в помине.

Секретарь горкома партии тов. Качалов заявил:

— Во время войны было не до того, а вот теперь все организуем. Музей, конечно, обязательно создадим...

— И памятник, — добавил секретарь по кадрам тов. Куликов.—В ближайшие дни на двух зданиях мемориальные доски установим. Они давно уже в Иванове заказаны...

Этот разговор припомнился нам, когда недавно мы снова приехали в город Фурманов.

Товарищи из отдела пропаганды горкома ВКП(б), к которым мы обратились с тем же вопросом, что и полтора года назад, ничего не могли сказать ни о музее, ни о памятнике, ни о мемориальных досках.

Из горкома пошли в горисполком. Нас принял тов. Усов — заместитель председателя горисполкома.

— В каком году город Середа переименован в Фурманов? — задали мы вопрос.

И ни тов. Усов, ни кто-либо другой из местных работников не смог ответить на наш вопрос. Назывались самые различные даты — 1936, 1939, 1940 годы, однако точно никто не знал.

Лишь на следующий день, после того, как был «поднят архив», товарищам из горкома и горисполкома стало известно, что Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 марта 1941 года, в связи с 15-летием со дня смерти писателя, город Середа переименован в Фурманов.

В архиве же была найдена копия телеграммы, посланной 15 марта 1941 года Президиуму Верховного Совета РСФСР от имени сессии горсовета. В телеграмме имеются такие строки:

«В день 15-й годовщины со дня смерти писателя-большевика, комиссара Чапаевской дивизии, мы с особенной теплотой вспоминаем о нем, о его годах детства, которые он провел в селе Середа. Свято храня память о тов. Фурманове, мы заверяем Верховный Совет РСФСР...»

...Мы побывали еще в горОНО, городской и детской библиотеках и всюду встретили возмутительно холодное отношение к памяти Дмитрия Андреевича Фурманова.

На Большой Фурмановской улице, в двухэтажном каменном доме, в крохотной комнатенке, живет семья отца писателя— Андрея Семеновича. Были ли тут хотя бы раз секретари горкома партии или председатель горисполкома? Нет, конечно. Как выяснилось, они не знают даже номера дома, где жил Д. А. Фурманов.

Так в Фурманове забыли Фурманова. У руководителей городских организаций нет ни той «особенной теплоты», о которой говорилось в телеграмме, адресованной 15 марта 1941 года сессией горсовета Президиуму Верховного Совета РСФСР, нет и «памяти» о своем земляке, имя которого с глубоким уважением произносится по всей нашей стране.

О. МОИСЕЕВ.

Сад селекционеров-любителей

КИЕВ. (Наш корр.). Киевский ботанический сад Академии наук Украины выделил специальный участок для высадки на нем деревьев и ягодников, выведенных народными селекционерами — колхозниками и садоводами-любителями. Этот участок даст возможность в научных условиях обобщить опыт селекционеров и популяризировать их достижения в колхозах и совхозах республики.

В адрес ботанического сада поступают письма от агрономов и садоводов со всех концов Украины с предложением своих экспонатов. Так, селекционер Мелитопольской садовой станции тов. Оратовский предложил особый сорт местных абрикосов, которые созревают в октябре. Колхозник тов. Щеглюк из Черняховского района, Житомирской области, прислал очень ценные сорта черешен. Местный сорт кизила представил для сада киевский учитель тов. Писанка.

Мэр городка возле вулкана Этны обращается к жителям: «Немцы, англичане и американцы прошли через наш город. Стоит ли нам после этого бояться какого-то жалкого извержения лавы?» (Карикатура из итальянского журнала «Кантакиаро»).

Привидение возвращается вновь...

Бирнс консультировал сценарий антисоветского фильма «Железный занавес». Само определение — «железный занавес» было заимствовано в свое время Черчиллем у Геббельса.

(Из газет).

Знаменитому таланту,
Коим зритель потрясен, —
Сценаристу-консультанту
Раз приснился страшный сон.
Сны подобные — кошмаром
Люди в трепете зовут.

. . . .

Будто он за гонораром
Приезжает в Голливуд.
В настроенье самом лучшем
Он подходит к кассе... но —
Гонорар уже получен!
Говорят ему в окно...
— То-есть кем?.. вскричал он, не без
Удивленья на лице...
И читает подпись — «Геббельс»
Против суммы — на листе...
Тут и горечь и досада...
Положение — друзья!
В суд подать, как будто надо
И как будто бы нельзя.
Потому — неясно даже,
Кто же больше виноват —
Доктор Геббельс ли за кражу,
Он ли, Бирнс, за плагиат?
Лишь когда настало утро,
Страшный кончился кошмар...
И рассказывают, будто
Получил он гонорар.

. . . .
. . . .

... Есть в народе слух ужасный.
Будто в полночь каждый раз
Этот самый Бирнс несчастный
Гостя ждет в урочный час...
Лишь зажгутся звезды в небе,
Стихнет уличный трамвай,
В дверь стучится доктор Геббельс
И кричит ему:
«Отдай!»

Владимир СОЛОВЬЕВ

Аристократы по-дешевке

Как сообщает лондонская «Ивнинг стандард», в Англии сейчас процветает новый вид бизнеса — подыскивание аристократических родословных для обладателей американской валюты. Расценки, существующие в области этого научно-исследовательского «сервиса», различны, в зависимости от того, что хочет приобрести «заказчик»: скромное генеалогическое древо или пышный фамильный герб. Особо оплачивается установление родства с королевским домом. Сотни американцев уже приобрели по сходной цене грамоты, удостоверяющие, что в их жилах течет кровь королевских династий Стюартов и Виндзоров.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

* Австрийские власти возвращают 28 замков и вилл, 8.500 гектаров земли стоимостью в 10 миллионов довоенных шиллингов фашисту Эрнесту фон Штарембергу, бывшему вожаку штурмовиков, организатору «хеймвера».

* Как сообщает французский еженедельник «Аксьон», государственный департамент США запретил опубликование 8.000 документов, касающихся участия Испании в войне на стороне гитлеровской Германии.

В. ЛЕСКОВ

КОМИТЕТ БЕСЧЕСТИЯ

В 1940 году преклонный возраст маршала Петэна не помешал ему предать Францию; однако в 1945 году, когда он был приговорен к смертной казни, именно возраст этого убеленного сединами изменника послужил де Голлю поводом для того, чтобы заменить ему смертную казнь пожизненным заключением. Сейчас Петэн отбывает наказание в комфортабельных условиях. Но реакция этим не удовлетворилась. В Париже создан «Комитет чести», поставивший своей целью добиться полного освобождения и реабилитации Петэна. Разумеется, дело здесь вовсе не только и не столько в самой личности этого старца, которому сейчас 92 года. Борьба ведется в значительно более широком политическом плане. Петэн до сих пор является символом вишизма и реакции, знаменем всех тех, кто стремится обезглавить силы демократии во Франции и открыть путь реакционной диктатуре. Именно поэтому де Голль в свое время и отменил смертный приговор Петэну, рассчитывая таким образом еще более поднять свой авторитет в лагере всех антинародных и антидемократических сил.

Отмена приговора Петэну положила начало политике реабилитации предателей во Франции. И они не преминули сразу же завопить: «Правительство не смеет привести в исполнение приговор над Петэном потому, что оно убеждено в его невиновности». А раз невиновен Петэн, то, по их мнению, невиновны и они, и, значит, выдвинутые против них обвинения — «явно несправедливы» и «продиктованы чувством политической мести».

В настоящий момент французская реакция настолько обнаглела, что вишисты уже не довольствуются откровенными требованиями о прекращении чистки, которая и без того была до смешного снисходительна к крупным преступникам и вызывала возмущение у всех честных людей. С помощью юстиции и полиции вишисты перешли в контрнаступление. Сейчас во Франции проходит ряд уголовных процессов против бывших участников движения Сопротивления и партизан; число этих процессов по всей стране достигает нескольких тысяч!

Реквизиция имущества изменников, расправа с предателями и даже борьба с нацистскими оккупантами приравниваются услужливыми прокурорами к уголовным преступлениям. По этим делам выносятся обвинительные приговоры, нередко носящие совершенно скандальный характер. Достаточно сказать, что на одном из таких провокационных процессов прокурор, выступивший по приказу власти с обвинительной речью против группы бывших партизан, расправившихся с предателями и сейчас обвиненных в убийстве, заявил во всеуслышание: «Перо мое подвластно, но слово мое свободно». Зачитав составленную им по обязанности обвинительную речь, он затем сам же доказал всю несостоятельность им же выдвинутых обвинений против ни в чем не повинных людей и выразил презрение к клеветникам, пред'явившим ложное обвинение патриотам.

В середине марта 1948 года в Париже состоялся банкет, на котором присутствовало около тысячи бывших парламентариев и политических деятелей, голосовавших в свое время за капитуляцию и группировавшихся вокруг Петэна и Лаваля. На этом банкете раздавались откровенные призывы к ликвидации движения Сопротивления. А предатель Фланден хвастливо напомнил о том, что именно он на следующий день после Мюнхена послал поздравительную телеграмму Гитлеру. И другой предатель — Поль Фор — торжественно заявил ему в ответ: «Вы правы, вспоминая об этом делающем вам честь жесте, потому что, увы, имеется слишком большая тенденция забыть о нем».

Таким образом, ничего нет удивительного в том, что в такой обстановке воинствующая реакция во Франции безнаказанно и гласно создает «Комитет» в защиту Петэна. В него входят, наряду с бывшим военным министром полковником Фабри и даже вдовой Жоффра, Анри Бордо, который весьма хотел бы, чтобы Франция управлялась «мертвецами», и в настоящий момент откровенно расписывается в верности маршалу Петэну, а также и другие члены Французской академии, вроде Эдмона Жалу, братьев Таро, бывшего посла де ла Булэ; в «Комитет» не входит, конечно, ни один подлинный демократ; от этого «синклита» невыносимо несет запахом тления.

Правительство Шумана—Мейера—Мока никак не реагирует на неслыханную наглость создателей «Комитета», инициаторов борьбы за освобождение Петэна. Да и могут ли они возражать против позорной кампании по освобождению Петэна, если Шуман — Мейер — Мок сами все свое внимание уделяют сейчас преследованию истинных патриотов, демократов, участников Сопротивления! Выходит, что покровители реакции весьма содействуют «апофеозу предателей» и торжеству предательства!

Факты без комментариев

БОГ ПО АМЕРИКАНСКОМУ ОБРАЗЦУ

В английском журнале «Контемпорери ревю» помещено следующее сообщение: Один американский священник счел существующего бога устаревшим и призвал к установлению веры в «нового американского бога». Этот «новый бог» должен отвечать вполне определенным требованиям: он должен быть «демократическим богом, а не монархическим»; он должен быть «нашим (американским) компаньоном, а не нашим отцом»; наконец, он должен «нуждаться в нас, американцах, а не мы в нем».

ДОСТОЙНОЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Одна из нью-йоркских компаний, владеющая домом, где снимает квартиру демобилизованный военный моряк Уилльям Сперлинг, весьма своеобразно поздравила его с рождением долгожданного ребенка. Сперлингу об'явили, что в связи с увеличением его семьи «квартирная плата повышается». Федеральное управление по вопросам квартплаты одобрило действия компании.

Новые книги

ГОСПОЛИТИЗДАТ

Дипломатический словарь. Т. I. Главная редакция А. Вышинского и С. Лозовского. 856 стр. Цена 40 р.

Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. I. 368 стр. Цена 8 р.

Лан В. США от первой до второй мировой войны. 484 стр. Цена 12 р.

Машкин Н. История древнего Рима. 680 стр. Цена 18 р.

Ноткин А. Очерки теории социалистического воспроизводства. 292 стр. Цена 6 р.

Чернышевский Н. Избранные экономические произведения. Т. I. 760 стр. Цена 12 р.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг 376 стр. Цена 7 р. 50 к.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. 224 стр. Цена 4 р.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

В серии «Библиотека избранных произведений советской литературы 1917—1947» вышли следующие книги:

Вершигора П. Люди с чистой совестью. 404 стр. Цена 10 руб.

Гроссман В. Степан Кольчугин. Роман. Книга первая, ч. I и II. 376 стр. Цена 9 р. 25 к.

Гроссман В. Степан Кольчугин. Роман. Книга вторая, ч. III и IV. 478 стр. Цена 11 р. 25 к.

Кулешов А. Избранное. 238 стр. Цена 10 р. 50 к.

Обложка книги В. Овечкина «Рассказы», вышедшей в массовой серии Гослитиздата. Работа худ. Н. Шеберстова.

Крымов Ю. Повести. 836 стр. Цена 8 руб.

Некрасов В. В окопах Сталинграда. 272 стр. Цена 6 р. 50 к.

Новиков-Прибой А. Цусима. 878 стр. Цена 20 р. 25 к.

Пастернак Б. Избранное. 160 стр. Цена 6 р. 25 к.

Сергеев-Ценский С. Севастопольская страда. Роман. ч. III, 648 стр. Цена 10 р. 50 к.

Тихонов Н. Избранное. Стихи и поэмы. 352 стр. Цена 11 руб.

Толстой А. Хождение по мукам. Трилогия. Сестры. Восемнадцатый год. 616 стр. Цена 14 р. 75 к.

Толстой А. Хождение по мукам. Трилогия. Хмурое утро. 408 стр. Цена 10 р. 25 к.

Тынянов Ю. Смерть Вазир-Мухтара. 448 стр. Цена 11 руб.

Шолохов М. Поднятая целина. Книга первая, 350 стр. Цена 8 р. 50 к.

ВОЕНИЗДАТ

Брагин М. От Москвы до Берлина. Статьи и очерки военного корреспондента. 347 стр. Цена 7 р.

Герасимов Е. Рассказ героя. 135 стр. Цена 1 р. 60 к.

Губельман М. Сергей Лазо. 112 стр. Цена 75 к.

Некрасов В. В окопах Сталинграда. 340 стр. Цена 6 р.

Пенежко Г. Записки советского офицера. Кн. 1. Десять дней. Литературная обработка Е. Герасимова. 200 стр. Цена 6 р.

Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. 384 стр. Цена 8 р.

Симонов К. От нашего военного корреспондента. 512 стр. Цена 10 р.

Соболев Л. Ночь летнего солнцестояния. Рассказы и очерки о Великой Отечественной войне. 376 стр. Цена 8 р.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5

Б—01719.